

ТРИЛЛЕР ДЕСЯТИЛЕТИЯ

АЛЕКСАНДР МАЗИН

**АБСОЛЮТНОЕ
ЗЛО**

Александр Владимирович Мазин
Абсолютное зло
Серия «Инквизитор», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165737

Аннотация

Ритуальные убийства и наркотики, деньги и власть, власть губить тела и отнимать души... Это не мистика, это реальность. Попавший в эту сеть уже не вырвется. Никогда. Не помогут ни милиция, ни ФСБ. Коснешься этой паутины – погибнешь. Никто не спасет. Только Инквизитор. Но он – далеко...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	12
Глава пятая	15
Глава шестая	19
Глава седьмая	21
Глава восьмая	24
Глава девятая	26
Глава десятая	28
Глава одиннадцатая	33
Глава двенадцатая	37
Глава тринадцатая	39
Глава четырнадцатая	43
Глава пятнадцатая	49
Глава шестнадцатая	52
Глава семнадцатая	53
Глава восемнадцатая	55
Глава девятнадцатая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Мазин

Абсолютное зло

Автор благодарит всех, кто помогал ему в сборе материалов и в работе над этой книгой.

Особенно же он признателен за неоценимую помощь Максиму Борисовичу РОМАНОВУ.

Все совпадения имен или событий случайны. В тех случаях, когда автор пользовался фактическими данными, описания изменены так, чтобы не причинить ущерба конкретным лицам.

Пролог

Девушка лежала на спине. Лопатки и ягодицы ее упирались в твердые, плохо оструганные доски, обитые сукном. Руки и ноги оттянуты вниз, запястья и лодыжки прикручены проволокой к стальным скобкам-ручкам.

Сукно было черным. Небо тоже было черным. И копоть от пламени. И маски на лицах. И длинный изогнутый клинок тоже был черным, только по линии лезвия – там, где прошлось точило, – блестел.

Где-то рядом, в темноте, невнятно бубнили голоса. Девушка не понимала слов, ни русских, ни тех. Светлая отточенная полоска дрожала у ее глаз. Дрожала, потому что дрожала рука, держащая ритуальный меч.

Телефон загудел, когда они уже подъезжали к Ландышеву:

– Степа, ты спрашивал насчет ритуальных убийств? У меня тут на столе дело лежит...

Расчлененка. Очень похоже.

– Мужчина, женщина? – спросил Суржин.

– Женщина. Молодая... Около двадцати.

– Спасибо, Игорь, я подъеду.

– Когда? Я вообще-то домой собираюсь.

– Часика через два. Я сейчас за городом. Дождешься?

– Ладно, так и быть. Будь.

– Буду!

Степан Всеволодович Суржин спрятал телефон.

– Через два часа? – усомнился его спутник.

– Уже почти приехали, – ответил Суржин, грузный широкоплечий мужчина лет за сорок. – Если только твой детектив не напутал с адресом. Считай: полчаса на разборки, потом заброшу тебя домой, а оттуда до прокуратуры минут двадцать езды. Со временем у меня, Петя, проколов не бывает.

Суржин вел машину с небрежной уверенностью.

Его спутник, Петр Дмитриевич Куролестов, лысеющий, круглоголовый, ровесник Суржина, пожал плечами:

– Думаешь, за полчаса управимся?

– С кучкой обкуренных пэтэушников? Ты меня обижаешь!

«Нива» подкатила к переезду, когда вдруг зазвенел предупредительный сигнал. Не снижая скорости, Суржин нырнул под слагбаум. Машина, содрогаясь и подпрыгивая, перева-

лилась через железнодорожные пути. Куролестов болезненно поморщился, а Суржин засмеялся:

– Что ты дергаешься? Забыл? Это теперь моя лошадка!

Девушка смотрела на светлую полосу. Она не замечала ни холода, от которого кожа на животе покрылась пупырышками, ни комариных укусов. Она почти не слышала ломких дребезжащих голосов, выкрикивающих на латыни: «Ave satanas! Ave satanas!» Не чувствовала, как капает на лобок горячий стеарин. В голове не было ни одной мысли, но лезвие самодельного меча, белая светлая полоска на нем почему-то привлекали ее. Словно блестящая брошка – младенца. Но младенца здесь не было. К счастью. Вместо него – обезьянка, еще детеныш, купленная в зоомагазине на Сенной. Обезьянка глядела на огонь: огромные блестящие глаза, глаза мудрого старца, отблеск пламени и страха...

Часть первая ЗАЯВЛЕН В РОЗЫСК

Глава первая

А начиналось все так интересно...

Славка откопал их где-то в Интернете. На какой-то сетевой тусовке. Светка в этом не очень разбиралась, поскольку к компьютеру папашка ее не допускал. То есть допускал, но исключительно к учебным программам, а на хрена они ей сдались, когда вокруг все бурлит, искрится и пульсирует? Предки! Они вообще по жизни не тянут. Вот срезалась Светка на экзаменах... Что сделали бы нормальные родичи? Сунули бы кому надо – и все в норме. А папашка зажался. Не потому что жадный, а из принципа. Ну и хрен с ним! Не больно-то и хотелось! Зато теперь – полная отвязка. Учиться не надо. А работать... Пусть Буратино работает, он деревянный, а Светку всегда пивом угостят и на концерт проведут или еще там чего... Ну, короче, Славка откопал их где-то в «сетке». Оказались нормальные ребята, питерские. Сначала на музыке зацепились, потом на всяком таинственном. Ну, в этом Светка слабо тянула, так, краем... Ну, гороскопы, конечно, читала. Про себя и про Славку. Славка – Овен, а она – Лев. Львица. Это точно. Волосы у Светки желтые, зубы белые, глаза кошачьи, большие и даже раскосые малость. Короче, львица – это вам не рыба какая-нибудь...

Собирались у Николая на флэту. Николай, он у них – главный. То есть, как он потом объяснил, не главный, а как бы доверенный. Посвященный. А настоящий главный, тот – в глубокой тайне, страшный такой. Черный колдун в тринадцатом поколении. Типа вообще последний и самый сильный. А Светке Николай сразу показался... Элегантный такой, с бородкой черной. И хайр тоже черный, хвостом. Славка к нему проникся, умный, говорит – страшно! И Николай к Славке – тоже вежливо, с уважением. А Славке это нравится. У Славки вообще комплекс: типа, молодо выглядит. Хотя он ничего, здоровый. Каратэ занимается, и на концерты с ним ходить нормально. Врежет – мало не покажется. Но смотрится восьмиклассником: щеки розовые, вместо усов – пушок какой-то, губы пухлые. Ну, положим, губы его Светку вполне устраивают. И все остальное тоже. Это он комплексует, и зря: когда Славка и Николай голые рядом стоят – Славка круче смотрится.

Кроме Николая в тусовке еще пятеро парней, от четырнадцати до семнадцати, и одна девушка, Джейна, из пиплы. Из хиппарей то есть. Жирная, морда в прыщах. Пипл ее чем-то обидели, и она всё Светке задвигала: как им мстить будет, когда сатана придет. Резать будет по кусочкам. Говорила, а сама все обниматься лезла. Лесби, наверное. И дура, трусливая. Николай на нее гаркнул, она сразу побелела, как молоко, и от Светки отлипла. И еще Светке один из пацанов не понравился, которого Кошатник зовут. По роже видно – сadyга. Уши звериные: маленькие, приплюснутые. И без мочек.

Но в остальном Светке сначала все нравилось. И слова на незнакомом языке, и обряды страшные, с заклинаниями, как в кино. Это вместо молитв. «Сатанисты, – Николай говорил, – не молятся. Мы гордые, мы не просим. И не торгуемся, как христиане: я боженьке – свечку, а боженька мне – муженька. И душу не продаем. Душа свободна и никому не принадлежит». Вот так! Круто, да?

В тусовку Светку посвятили в мае, когда тепло стало. Привели на кладбище, в уголок, где за деревьями ветра нет и снаружи не видно, зажгли свечи, черным покрашенные, разложили здоровенный крест. Светка разделась (а чего стесняться – фигурка у нее что надо!),

перешагнула через крест и четырежды отреклась от Христа. И ничего с ней не случилось, только замерзла немного.

Потом Николай взял кролика, живого, проткнул ему шею спицей и – раз-два-три – содрал с него шкурку. Кровь собрали в чашку, кролика положили на надгробье. Он, хоть и ободранный, дергался и свирчал тихонько. Еще Николай в чашку чего-то из пузырька долил, потом каждый надрезал руку (Светке резал Николай), в чашку накапали – и все выпили. Светке противно было: не потому что кровь, а потому что невкусно, но потом вдруг хорошо стало, тепло и весело.

Потом Светка должна была ритуально совокупиться. Со Славкой. Это ей заранее сказали. Джейна, правда, пискнула, что, мол, она должна всем дать, а не только Славке. Тут Николай ей врезал. Губу разбил. Больше никто не вякнул, хотя, может, хотели бы. Светка же не слепая, видела, как ее глазами щупают.

Короче, после крови стало Светке тепло и весело и захотелось ужасно. Она Славку за рукав балахона дернула: давай. Встала на мраморную плиту на четыре точки, Славка балахон скинул и быстренько ее трахнул, вынул... И опять вставил. Но Светка сразу почувствовала: не он. Так не договаривались! Но внутри просто какой-то зуд образовался. А Николай, он хоть Славки поменьше, но... Короче, после Николая опять Славка пристроился. И так они раза три менялись. Светка обкончалась вся. Уже и сил не было. Руки-ноги разъезжались просто. Тогда они балахоны на плиту постелили, Светку на спину – и по новой. Так по кайфу ей еще никогда не было.

А рядом, на соседней плите остальные Джейну нажаривали. Та аж визжала. Светка тоже орала. В кайф потому что.

А потом кто-то гаркнул:

– Менты!

И как все ломанулись! Славка Светку за руку – и голяком через кладбище. Так и перли до самой ограды. Светка ногу порезала стеклом. Славка ее потом до трамвайной остановки на руках нес.

В общем, клевое было посвящение. Только кролика жалко. Тогда ж Светка еще не знала, что ее тоже готовят... Вроде кролика.

Глава вторая

Миновав переезд, Степан Всеволодович крутанул руль, и «Нива» съехала с дороги на присыпанную гравием обочину.

– Спешимся.

– Зачем? – удивился Куролестов. – Тут почти у каждого машина, все время ездят. Дачный сезон.

– Ничего, разомнемся. Близко ведь?

– Близко, – согласился Куролестов, доставая из-под сиденья металлический прут. – Ты чего машину не запер?

– Да брелок сдох. Ничего, через полчаса вернемся. Да и кто ее в темноте разглядит?

Он был прав: в тени деревьев «Нива» была совершенно незаметна.

Фонарей на улочке стояло три: все – в самом начале. Некоторые участки были подсвечены силами самих хозяев.

– Через пять домов – наш, – сказал Куролестов. – Днем считал.

– И как тут днем?

– Тихо.

Впереди слышалось монотонное пение.

– Они?

– Угу.

Друзья осторожно двинулись вдоль заборов. Пение стало более громким и менее стройным.

Нужный участок был окружен проволоочной сеткой, почти полностью скрытой высоким кустарником, – свободны только ворота. В щель между створками был виден кусок просторного двора. Факелы, воткнутые в землю пятиугольником-пентаграммой, высвечивали с полдюжины фигур в балахонах с капюшонами на манер ку-клукс-клановских, но черных, а не белых.

– Заклинания поют, – прошептал Петр. – По-еврейски, что ли?

– Это латынь, – тихо ответил Суржин. Балахоны – это хорошо. Балахоны мешают двигаться. – Ну что, через забор?

– Зачем? – Степан Всеволодович просунул между створками палец и откинул щеколду. Толчок – ворота распахнулись, и они вошли на участок.

«Балахоны» продолжали подвывать. Внутри круга на козлах стоял гроб с приделанным к нему перевернутым православным крестом. А на гробе...

– Ах, суки поганые! – прохрипел Петр.

– Твоя?

– Да.

Пока их никто не замечал.

Суржин по привычке глянул в сторону дома: нет ли прикрытия? И тут же одернул себя. Что он, в самом деле? Это ж сопляки, мальчишки!

– Милиция! – гаркнул Суржин, выдергивая из кобуры ствол. – Никому не двигаться! Дом оцеплен! Ты, урод, брось тесак. До трех считаю, потом...

Не дожидаясь счета, его друг, расталкивая «балахонов», бросился вперед, к дочери...

Если бы Петр стоял тихо, Суржин наверняка услышал бы шаги. Он таки их услышал, но слишком поздно. Успел подумать: «Попал! Бля! Попал, как...»

Суржин, хоть теперь и кабинетный работник, но по старой оперской привычке, вопреки инструкциям, – патрон в стволе. Сдвинул флажок и бей самовзводом...

Лет двадцать назад он бы успел, но теперь...

Тяжелый изогнутый нож-серп с хрустом опустился на предплечье. Пистолет упал. Суржин все же успел левой рукой перехватить второй удар, но тут шею захлестнула удавка. А в следующий миг кривое лезвие вспороло ему живот. Он еще успел услышать сзади глухие удары, а потом – короткий сдавленный вопль.

«Может, на крик кто... – успел подумать он. И еще: – Игорь будет ждать...»

Следователь прокуратуры по особо важным делам Игорь Геннадиевич Логутенков ждал Суржина почти до часа ночи. Трижды звонил жене, извинялся, что опаздывает.

– Ты хоть не очень пьяный? – с подозрением спросила жена.

– Совсем не пьяный. Степу жду, а он что-то задерживается.

– Странно, – проговорила жена. – Степа – человек обязательный. Я, Гоша, спать ложусь, мне завтра на студию к девяти. Еда – в холодильнике. Найдешь?

– Конечно. Целую. Спокойной ночи. Малышне тоже.

– Да они спят давно! До завтра.

Он не сказал супруге, что уже полтора часа безуспешно пытается дозвониться до Суржина по сотовому.

Так и не дождавшись друга, Логутенков уехал домой. Утром опять позвонил на мобильник. И опять безуспешно. А потом закружила текучка. Бумаги, выезды, допросы, опять бумаги... Вспомнил только в понедельник, звякнул Суржину на работу, поговорил с секретаршей, но внятного ответа не получил: вроде бы не было, но кто-то, кажется, видел. Логутенков очень строгим голосом попросил секретаршу, буде начальник появится, передать ему, чтобы срочно звонил в прокуратуру. Секретарша пообещала.

Глава третья

Оперативный дежурный был относительно молод, хотя вспахивал ниву общественного порядка уже шесть лет. Правда, офицерское звание он получил сравнительно недавно – восемь месяцев назад, после окончания «Стрелки», а раньше трудился здесь же, но помощником. Работенка непыльная, сутки через трое, да еще область: «заяв» мало, разве по весне, когда дачники, открывая сезон, обнаруживают разбитые окна и некоторый дефицит имущества, да еще выныривают из-под сошедшего снега дурно пахнущие «подснежники». А так – тишина. Спокойная работа да еще возможность подхалтурить охранником в свободное время. В общем, дежурный был молод, должность свою ценил, но излишним служебным рвением не отличался.

– Машина, говорите? Иномарка?

– Нет, «Нива».

– И никого внутри?

– Никого, мальчишки только лазают! – Старческий голос возмущенно задребезжал.

– А хозяин где? – Дежурный зевнул.

– Нету, я же говорю!

– Ладно, – буркнул дежурный. – Примем меры.

Положил трубку и потянулся за сигаретами. Ничего предпринимать он не собирался.

– Чего там? – спросил, не отрываясь от папки с ориентировками, оперуполномоченный Шилов, дежуривший сегодня и по причине отсутствия заявок ошивавшийся в дежурной части.

– Да так, херня. Дедок-стрелочник просемафорил: машину кто-то бросил у переезда недалеко от Мельничного.

– Давно?

– Вчера, говорит, не было.

– Проезду мешает?

– Да нет. Открытая стоит. Дедок, мудило, беспокоится, как бы пацанва чего не попортила.

Шилов оторвался от папки.

– Это ты мудило, – сказал он. – Ее ж разденут! «Глухарей» у нас мало? Тебе, блин, до фонаря: заяву регистрируешь и все. А материал нам, в УР¹ распишут. Пошли лучше участкового – пусть дачников опросит, кто владелец. А то, может, квасит он, или там еще чего... Или пускай ППС ее к нам оттащит. Все лучше, чем потом заяву по краже отбивать или вообще дело по глухарю заводить. А и то сказать, – Шилов с тоской поглядел на бумаги и захлопнул папку, – хрен с тобой, сам поеду! Может, там уже кража нарисовалась.

Когда Шилов подошел в переезду, то сразу увидел «Ниву». Хотя стояла она в сторонке, и, будь заперта, могла бы стоять, пока не заржавеет. Рядом крутился дедок в железнодорожной форме. Видно, тот, что звонил.

Шилов поблагодарил его и занялся осмотром транспортного средства. Средство было в исправности. Никаких внешних повреждений. Ключей нет. Ага! В кармашке противосолнечного козырька обнаружился техпаспорт и генеральная доверенность, выписанная на имя некоего Суржина неким господином Куролестовым. И выключенный мобильник. Шилов вполголоса выматерился. Бросают ценные вещи без присмотра, а потом бегут в милицию. Ищите, блин!

– Дед, – сказал он, – можно от тебя позвонить?

¹ Уголовный розыск.

Спустя три часа, после безуспешного обхода дач, Шилов совместно с экипажем ППС пригнал «Ниву» к отделу. Составил протокол осмотра и вопросительно посмотрел на дежурного: может, не надо пока регистрировать? Пускай, мол, постоит под окнами. Объявится владелец – заберет. И пузырь еще нам поставит за нежную ментовскую заботу и свое раздолбайство. Однако дежурный не внял, мстительно шлепнул на протокол штамп и вписал номер. Иди и отрабатывай материал, Шилов, раз ты такой шустрый. Время пошло!

Следующие полчаса, установив по имевшимся в документах адресам домашние телефоны Суржина и Куролестова, Шилов принялся их вызванивать. Абоненты дружно не отвечали. Шилов плюнул, подколот к протоколу справки: дескать, по таким-то телефонным номерам связаться с владельцем автомобиля не представляется возможным. Признаков состава преступления нет, срок проверки – еще целых девять дней. Пускай начальник с утра расписывает, кому этим дальше заниматься.

Глава четвертая

– Славка, ты чё, дурак что ли? – сердито закричал Федя.
Кровь из рассеченной брови залила ему глаз.
– Нормально работаем! – Слава усмехнулся. – В легкий контакт.
– Ни хрена себе – легкий! – Федя завелся. – Ты что думаешь? Думаешь, я не могу?
– Так давай! – Слава усмехнулся еще шире. – Не скули, как девочка!
– Стоп! – Это сказал Юра Матвеев, Федин друг и единственный из присутствующих – «зеленый пояс». Его старшинство в младшей группе определялось, впрочем, не поясом, а тем, что именно ему сэнсэй дал ключ от зала. – Стоп! Федька, ты выбыл. Технический нокаут. Гера, возьми аптечку и обработай ему ряшку. Слава, ты неправ.
– Это почему же?
– Потому что – пошел в угол, встал на кулачки и отжался сто раз... Чтоб кровь в жопе не играла!

Видно было: Слава колеблется. Юра, хоть и килограммов на десять полегче Федора, но в кумитэ Славу делал четыре раза из пяти, а Федор – хорошо если два против семи. Когда в хорошей форме. А в хорошей форме Федя бывал не так уж часто, поскольку любил и выпить, и поплясать, и потрахаться с подружками, которых менял со всем темпераментом пользующегося успехом семнадцатилетнего парня. Юра же – фанат.

Но Слава не был трусом, кем угодно, но не трусом.

– Ты что, сэмпай? – спросил он.

– Для тебя – да.

Юрин голос был бесстрастен и негромок. Он подражал своему кумиру, а кумир в таких случаях обычно говорил негромко и спокойно. Вообще-то на Славу Юркина уверенность призвала впечатление, и месяца три назад он, возможно, пошел бы на попятный. Но теперь... Теперь он служит Господину, а Господин поощряет гордость и дарует силу.

– Докажи! – Слава вызывающе ухмылялся. – Надевай перчатки!

Юра засмеялся:

– Перчатки? Мы же не девочки, а, Славик?

– А что Михалыч скажет? – неуверенно проговорил кто-то из ребят.

– По какому поводу? – насмешливо спросил Юра. – Дима, посудишь?

– Нет вопросов!

Все-таки это будет кумитэ, а не драка. За драку в зале сэнсэй и выгнать может.

– Ну, – сказал Юра, – твой ход!

– Нет. – Слава чуть качнул головой. – Давай ты...

Бум!

Легкий «журавлиный» прыжок, хлыстом выброшенная рука. Вспышка света в правом глазу. Слава вслепую ударил ногой, получил подсечку по опорной, упал, перекатился, вскочил... Но ничего не успел, только принял рубяще-секущий удар ребром ладони по левой брови. Кровь окончательно ослепила Славу, биться же вслепую со зрячим противником – не его уровень мастерства. К счастью, это была не драка, а поединок.

– Иппон! Иппон! – поспешно закричал судья, но Юра и не собирался добивать соперника. Он сделал то, что хотел. Большого сэнсэй не одобрит. Дождавшись, пока Слава протрет залитый кровью глаз, он сказал спокойно:

– Иди. Гера и тебя обработает. А потом... Сто раз на кулаках. Тимка, на шестах побьемся, ты как?

– Давай!

Как ни странно, Слава не обиделся. Почувствовал: превосходство Юры Матвеева не наигранное, а естественное. И оно притягивало.

«Наверное,— думал он, отжимаясь и механически отсчитывая в уме,— надо было к нему с моей темой подойти, а не к Федьке Кузякину».

— Славка стал какой-то странный,— сказал Юра.— Как будто окрутел немеряно, только не понятно, с чего.

— Я знаю, с чего,— буркнул Федя Кузякин.— Ты домой? А то давай прогуляемся. Я пива возьму. Тебе сок, как всегда?

— Ага. Денег дать?

— Шутишь! — Федя хлопнул по ладони кошельком.— Я же работаю!

Он пошел к киоску, вернулся с «Бочкаревым» и соком.

— На, из холодильника. А девочка новенькая, ничего себе. И подружка, говорит, есть.

— Спасибо,— усмехнулся Юра.— Я и без триппера проживу.

— Ах! — Федя картинно прижал к груди ладонь.— Прошу прощения, забыл, что вы однолюб, Ромео! А Джульетта ваша...

— Ты, Кузяка, щас в лоб схлопочешь!

— Молчу, молчу! — воскликнул Кузякин.— Оно, конечно, мадмуазель Дашенька у нас ангел. Только учти, Юрка, ангелы, они с крылышками. Фюить — и улетела! С другим ангелом.

— Ты, Федька, циник и бабник! — Юра засмеялся.— Так что насчет Славы?

— В смысле? А, понял... Он теперь — черный маг. Или что-то вроде. Посвященный, одним словом, в ококультные... тьфу, олокультные...

— Окультные?

— Ну! Тайны, в общем.

— И какая у них программа?

— Программа правильная! — Федя глотнул пива.— Самое оно! Живи, пока живется, веселись и радуйся жизни, а если кто тронет — в пятакину! Меня вот приглашал.

— А ты?

— А мне по фигу!

— Удивил,— Матвеев хмыкнул.— Эта идеология точно с тебя списана.

— Ну! — самодовольно согласился Кузякин.— Только на хрена мне этот ок-куль-тизм? Я и так живу и радуюсь, понял? А силы эти... Че-то я не заметил, чтобы они Славке помогли, когда он по башке от тебя получал.

— Тут ты прав,— согласился Юра, однако задумался.

В силы, о которых пренебрежительно отозвался Федор, Матвеев верил. Во-первых, потому, что книжки читал, во-вторых, потому, что знал: мастерство тех, у кого он учится, не только в быстроте реакции и крепости мышц. Мастера, они и в восемьдесят лет бились так, что дюжину молодых и крепких учеников клали вповалку. Юра перечитал массу воспоминаний и уже давно въехал: есть сила — и Сила. Чи. Или ци, если по-китайски.

Если бы он об этом только в книжках читал, может, и не поверил бы. Мало ли что напишут! Но Юра знал, как работает сэнсэй. Вроде бы и не отбивается даже, а не достанешь. И собственными глазами видел, как к ним в школу появился какой-то крутой каратэк из молодых, здоровый, как медведь. Зимородинский даже биться с ним не стал, просто обнял, по спине похлопал... И двухметровый лоб с кулаками, как квасные кружки, постоял секунду, потом глазки закатил — и на паркет повалился. А через минуту встал, тихий-тихий. Извинился и удалился, пошатываясь. И это сэнсэй, человек мирный.

А что о Ласковине говорили? Да не только говорили! Кузяка вон кассету притаскивал, где Андрей Александрович с каким-то мордоворотом бился. И мордоворот этот Ласковина уже почти пополам порвал, и вдруг Андрей скинул с себя восьмипудового бычару, врезал ему сцепкой по башке, а потом подхватил и бросил так, что тот затылком доску в полу сломал.

Вот это и есть внутренняя сила. Когда центнер с лишним накачанного мяса взлетает над татами, как тючок с соломой.

Но когда Матвеев прозрачно намекал сэнсэю, что готов причаститься мистических тайн, тот или сгружал ему очередной комплекс упражнений, или отделялся мудреной дзенской притчей. А когда Юра заикнулся при Андрее Александровиче насчет невидимых сил, тот молча продемонстрировал мозолистый кулак. Не в качестве угрозы, а как напоминание: всяк сверчок знай свой шесток. Обидно, однако.

– А что Славка еще говорил? – спросил Юра.

– Да ничего, – Федя допил пиво, сунул бутылку побирушке. – Я ж не спрашивал. Сказал, не интересуюсь – и все.

«А вот я интересуюсь, – подумал Юра. – Очень интересуюсь».

Глава пятая

Материал по злополучной «Ниве» с соответствующим устным комментарием дежурного мудрый начальник, исповедуя и воплощая в жизнь принцип наказуемой инициативы, расписал для исполнения Шилову. От себя же добавил назидательно: не затягивай. Делать там, мол, нечего, материал явно отказной. Выходные прошли, скорее всего, владелец сам объявится. А не объявится, так ты, Шилов, сгоняй в город да установи владельца мобильного. Короче, машину вернуть владельцу, родственникам или еще кому, но чтоб у отдела долго не стояла. А то, мать вашу, взяли моду: не милиция, а автостоянка! Все подъезды заставлены.

В понедельник Шилов в город не поехал – надеялся все-таки дозвониться по домашним телефонам. И напрасно.

Во вторник полез в сейф, извлек мобильник, выматерил его владельца, еще раз набрал телефоны Куролестова и Суржина. С нулевым результатом. Пришлось тащиться в город.

Мобильник обслуживала «Дельта», посему Шилов поехал на Большую Морскую. На Морской любезная девочка глянула на ксиву Шилова, взяла запрос и скрылась в недрах офиса. Через несколько минут Шилов держал в руках распечатку, в которой содержалась не только информация о владельце (им оказался все тот же Суржин Степан Всеволодович), но и перечень исходящих и входящих номеров. К немалому удивлению опера, телефон, по которому был сделан последний звонок, имелся в записной книжке опера. И принадлежал он старшему следователю по особо важным делам Логутенкову.

– Шилов, – назвал себя опер.

Игорю Геннадиевичу потребовалось секундное усилие, чтобы вспомнить Шилова.

– Привет, – сказал Логутенков. – Чем могу?

– Знаешь такого Суржина Степана Всеволодовича?

– Знаю, – осторожно ответил следователь. – Что-то случилось?

– Возможно. Ты как, хорошо с ним знаком?

– Степа – мой друг, – прямо ответил Логутенков.

Шилов не стал бродить вокруг да около.

– Он тебе звонил в четверг вечером?

– Да, – подтвердил следователь. – И должен был заехать. Но не заехал. Я ему звонил на сотовый – впустую.

– Его сотовый в моем сейфе, – сказал Шилов. – С утра пятницы. Я его не включал. Мы нашли его машину, незапертую.

– Которую? – спросил Логутенков. – У него их две.

– «Ниву».

– Он ее недавно купил. По доверенности.

– Доверенность тоже у меня.

– И что еще?

– Например?

– Например, пистолет.

– А у него есть пистолет?

– Есть. «ПМ».

– Занятно. Слушай, Игорь Генадьич, а он не из наших, твой друг?

– Уже нет. Но был из ваших.

– А теперь где работает?

– В Смольном.

– Блин!

– Ладно, не переживай, – сказал Логутенков. – Со Смольным я разберусь. Если на работе не появлялся, значит, пусть в розыск подают.

– А-а-а, – протянул с явным облегчением Шилов. Потеряшкой будет заниматься ОРО, отдел розыска, по месту жительства пропавшего. – Понятненько... Народ мы тут опросили. По нулям. С машиной что делать?

– Пускай пока постоит. Родственников я извещу. Давай, до связи.

– Пока.

На работе Суржин не появлялся. Зато вернулся из столицы его непосредственный начальник. Господин Кренов, депутат Госдумы и председатель Комиссии. Народный избранник милостиво согласился уделить Логутенкову пять минут своего драгоценного депутатского времени. Господина Кренова пропажа заместителя не встревожила: Суржин и раньше имел обыкновение исчезать на несколько дней. Правда, всегда об этом заранее предупреждал. Логутенков попытался объяснить депутату, что основания для беспокойства все-таки есть. Тот спорить не стал, сказал:

– Вам виднее. Чем могу помочь?

– Заявление на розыск необходимо подать.

– Сделаем, – ответил депутат. – Пришлите факсом образец.

– Я сам напишу, – сказал следователь. – Вы только подпишите и отправьте. Только официально, с исходящим номером, как положено.

– Сделаем. Может, нажать, чтоб шевелились? Через начальство?

– Не надо, – отказался Логутенков. – Это моя территория, сам разберусь.

Заявление из Смольного и без нажима в работу возьмут.

Капитан Онищенко Павел Ефимович был толст, опытен и осторожен. В ОРО работал недавно. Перевелся из Невского «убойного». По семейным обстоятельствам. Хотя «семейными» их можно было назвать только в широком смысле. Если перевести на русский язык слово: «мафия». С переводом «обстоятельства» ушли, а вот семейные, в узком смысле, проблемы остались. Чтобы их решить глобально, нужны были деньги – отселить тещу. Вопрос решался. Но крайне медленно.

Материал по Суржину Онищенко принял без радости. Понимал: ничего, кроме беспокойства и неприятностей (Смольный, блин!), не предвидится.

С Суржиным Онищенко лично никогда не пересекался, хотя за время работы в органах фамилию, конечно, слышал. Ничего дурного. Однако, если мент ухитрится пролезть в Смольный, это свидетельствует о его особой хитрожопости. Тем более, он не какой-нибудь консультант по связям, а самостоятельная шишка, зампред какой-то, мать ее так, специальной комиссии. Тут или мохнатая лапа нужна, или толстая пачка «гринов». Откуда у мента бабки? Вопрос для первоклассницы. А он, капитан Онищенко, почти правильный мент и отличный опер, даже две звезды при двух просветах не выслужит. Скорее всего. В общем, таким, как Суржин, Онищенко откровенно завидывал. Да хоть бы он их нежно любил, какая разница? Конечно, сунуть в стол заявку на фирменном бланке с исходящим номером за подписью депутата, скрепленной гербовой печатью, капитан не рискнул. Но ничего хорошего от дела не ждал. Субъекты вроде Суржина просто так не теряются. Есть очень приличная вероятность, что зампреда уже кормит червячков. Или общается с утюгом на уединенной дачке. Да-а-а... А то еще не сегодня-завтра замаячат на горизонте, как всегда в таких случаях, сотрудники «компетентных органов»...

Не откладывая, Онищенко направил стопы к подписавшему заявку депутату. Тот, вопреки ожиданиям, пальцы гнуть не стал: принял сразу, опрашивался охотно, но ничего толкового не сообщил. Нет, никаких угроз, никаких врагов. Близких родственников нет, любовница, если и имеется, то депутату она не известна. А о занятиях пропавшего сановник высказался и вовсе уклончиво, мол, «связаны с вопросами соблюдения конституционных

прав граждан». Иного опер и не ожидал. Если, допустим, Суржин ведал «черной кассой», депутат вряд ли скажет об этом представителю правоохранительных органов. В утешение Онищенко было позволено осмотреть кабинет пропавшего и побеседовать с секретаршей. Та сообщила еще меньше начальника, а кабинет оказался девственно пуст. Ни одной интересной бумажки ни на столе, ни в нем. Ни одной записи на перекидном календаре. Ключи от сейфа обнаружились в верхнем ящике стола. Заглянув в сейф, Онищенко обнаружил немного ветоши, грязное вафельное полотенце, растворитель и флакон с маслом. Поскольку опер уже знал, что у Суржина есть личное оружие, то осмотр сейфа принес не больше информации, чем осмотр стола или холодильника, в котором, кстати, присутствовала бутылка водки и приличный кусок «краковской» колбасы – на вид съедобной.

Правда, был еще компьютер. Но когда Онищенко его включил, оказалось, что нужен пароль. Опер посидел немного, глядя на отличный пятнадцатидюймовый монитор «Сонитринитрон», а потом спросил у секретарши, серьезной дамы бальзаковского возраста, не знает ли она пароль.

– Просто нажмите «Enter», – посоветовала секретарша. – Вам кофе сделать?

– Буду очень признателен.

Но толку оказалось немного. В «портфеле» было пусто. Онищенко наугад пошарил по каталогам, прикинул примерный объем документации – тянет мегабайт на двести – и понял, что на разбор ее потребуется как минимум месяц. Кроме того, в компьютере имелся CD-рекордер, а в коробке – с полсотни дисков, причем треть – записанные самим Суржиным.

Секретарша принесла кофе и два квадратика печенья. Онищенко поглядел на печенье, подумал и полез в холодильник за колбасой. Умяв полкило «краковской», опер почувствовал себя бодрее. Но оптимизма по-прежнему не испытывал. Он очень трезво сознавал: ему не хочется рыться в этом материале. Накопай он что-то серьезное, какой-нибудь крутой компромат – все равно притормозят. Может – приказом сверху, а может – вообще прихлопнут, как комара. Одно «утешение»: зацепиться пока совершенно не за что.

Тем не менее Онищенко, подумав немного, взял чистый «сидюк» и скачал с жесткого диска все перспективные, на взгляд, директории, ссыпал в коробку диски и дискеты и забрал с собой... А секретарше оставил расписку. Если пропавший, вопреки ожиданиям, просто загулял – приедет и заберет. Сделав дело, опер отправился кушать шашлык. Халявный, поскольку хозяин харчевни был у него в неоплатном долгу. За сохраненное здоровье.

Вернувшись к себе, Онищенко закурил сигаретку и настроился подумать о возвышенном. Не удалось. Оказывается, его искал начальник. Причем гневался, поскольку не нашел.

Павел Ефимович вздохнул тяжело и отправился «на ковер».

Вообще-то начальник был ничего мужик, вояка-артиллерист, недавно уволившийся и быстренько утвержденный в столоначальники повелением свыше. Милицейский стаж у него был – как у цыпленка клювик, но зато звание майора сохранено, отсюда и должность, и оклад жалования...

Онищенко майор недолюбливал, скорее всего – просто комплексовал на профессиональной почве. В розыскной работе артиллерист не понимал ни хрена. Зато организовать, потребовать, поставить задачу вояка умел и, что особенно важно, всегда был готов отчитаться перед вышестоящими. С руководством ладил и, что характерно, своих в обиду не давал. Сам дрочил. Правда, таких, как Онищенко, профессионалов дрочил аккуратно: осознавал свою некомпетентность и зависимость. Короче, должности своей начальник соответствовал.

– По Суржину есть что? – требовательно спросил майор.

– Пока немного, – осторожно ответил Онищенко. – Опросил заявителя, осмотрел рабочее место. – И осведомился многозначительно: – Что, уже звонили?

– Не твоё дело, – буркнул начальник. – Иди работай. С Логутенковым свяжись, искал тебя.

Онищенко позвонил в прокуратуру:

– Искал меня, Геннадьич?

– Да. Пал Ефимыч, Суржиным ты занимаешься?

– Я.

– Давай ко мне, Паша, разговор есть.

Глава шестая

Любка возвращалась домой значительно раньше, чем предполагала. Филе предложили какую-то халтуру, так что катание на парходике, прогулка по ночному Питеру, пиво с орешками и все прочее в каком-нибудь парке типа Сосновки (лето лучше, чем зима) – отменилось.

«Ничего, – думала Любка. – Видик посмотрю с папой-мамой, выплюсь по-человечески, без комаров...»

Любкин подъезд был в третьем из последовательно расположенных дворов. Осенью и зимой, в темноте, идти страшновато. Но Любка – девушка крепкая. Треснет – мало не покажется. А сейчас лето, вообще белые ночи, светло...

Малорослый пацан отделился от подворотенной стены, заступил Любке путь. Чего ему, шибздику, надо?

– А ну, стоять!

Любка сначала даже не испугалась, а удивилась.

– Ты... – начала она.

И отшатнулась, когда лезвие ножа метнулось к ее глазам.

– А ну, стоять! – прошипел Кошатник, преграждая девке дорогу.

– Ты... Уп!

Узкое лезвие прыгнуло к носу девки, и морда у нее враз посерела. Так вот, сучка! Рост у Кошатника мелкий, зато ножик острый!

Свободной рукой Кошатник сцапал крестик у нее с груди, полоснул по шнуру и засунул в карман. Пригодится.

Любка испугалась по-настоящему. Даже не ножа (ножом ее как-то уже пугали), а рожи этого недомерка. Как-то сразу стало понятно: пырнет запросто. А когда он сорвал с Любки крестик, девушке стало совсем нехорошо, даже затошнило от страха. И как назло – никого вокруг.

«Маньяк!» – мелькнула жуткая мысль.

Надо кричать, бежать, драться – все равно хуже не будет... Но тело – как ватное.

Схватив девку за теплое плечо, Кошатник пихнул ее к черной пасти подъезда. Девка уперлась. Здоровая. На полголовы выше Кошатника.

– А ну пошла! – свирепо зашипел Кошатник. – Хочешь, чтоб нос отрезал?

Лезвие коснулось переносицы девки, и та обмякла. Кошатник любил гнуть именно таких, здоровых. Таких, что и в школе, и в путяге глядели сквозь него, как через пустое место: болтается, мол, что-то такое, плюгавенькое, плевать не достойное. Здесь, в пустынном переулке, все меняется. А сейчас вообще будет что-то особенное. Раньше Кошатник просто пугал их: затаскивал в подъезд, подкалывал ножичком, страшал, пока в трусы не напустят. Возбуждался от этого дико, просто сразу кончал. Кончал и отпускал дур. Знал, что в ментовку не побегут: не порезаны, не изнасилованы, а трусы и постирать можно.

Ментов Кошатник все же побаивался. Вон, брательник старший пятый год мотает, и еще три осталось. Были бы бабки, уже вышел бы... А может, хорошо, что сидит. Пока с ними жил, лупил Кошатника каждый день за упрямый характер. С ментами небось драться не стал. Пришли, руки выкрутили, пошел, как миленький. Как эта дура-девка.

Кошатник затолкал ее в подъезд, стал лапать левой рукой. Девка передергивалась, но терпела, потому что в правой руке у Кошатника нож, и нож этот упирался ей в живот.

Кошатник чуял, как она потеет от страха и тоже дрожал. От возбуждения. И от того, что решил: кончу – зарежу. А Сатана сделает так, чтоб никто Кошатника не поймал. Вон Николай, он...

Где-то наверху хлопнула дверь. Раздались мужские голоса, быстрая чечетка каблуков по ступенькам. Кошатник втиснул девку поглубже в угол. Подъезд темный, их не заметят.

– Пикни только – кишки выпущу! – посулил он, нажимая острием на девкин живот.

Шаги смолкли. Щелкнула зажигалка, бледный огонек вспыхнул на площадке первого этажа. Тут нервы Кошатника не выдержали – он шарахнулся от девки и пулей вылетел на улицу.

Прикурившие парни вышли секунд через десять, когда юного сатаниста уже и след простыл. Любку они не заметили. Она еще минуты три простояла, прислонясь к стене и борясь с дурнотой, а когда вышла из подъезда и побрела домой, то уже точно знала, что никому, никогда, ничего не расскажет.

Глава седьмая

Поговорив с Логутенковым, Онищенко смотался в пригород забрать мобильник и доверенность. Потолковали с Шиловым, сходили выкупались и расслабились немного. Так что, когда Онищенко вернулся домой, то услышал в свой адрес немало неприятных слов. На жену Павел не обижался: он ее любил и знал, что бедняжке и так несладко приходится. Наверное, она даже понимает: непьющих ментов не бывает. Работа такая. Но есть еще теща, которая прямо не скажет, но будет пилить и зудеть, допекая Машу, чтобы та «воздействовала на пьяницу».

Онищенко сунул под кран лысеющую голову, слегка взбодрился, покушал, выполнил отцовский долг, сыграв с сыном в лото (дочка уже спала), чмокнул его в макушку, подумал: «Завтра приду пораньше» – и завалился спать. Засыпая, слышал, как жена возится в ванной... Чудо, а не баба! Попробуй найди такую где-нибудь в Европе-Америке!

На следующий день Онищенко первым делом наведлся на квартиру Суржина (естественно, никто не открыл), затем посетил место жительства Куролестова – с аналогичным результатом. Решил зайти еще раз, попозже. Суржин-то – бобыль, а с Куролестовым прописаны жена и дочка. Кто-то должен быть.

На работе Онищенко опять вызвал начальник. Поинтересовался, где капитана черти носят. Онищенко ответил. Майор потребовал доложить, что наработано по Суржину. Онищенко доложил. Начальник пожевал губами: возможно, хотел похвалить, но хвалить подчиненных не привык, и добрые слова где-то потерялись.

Вместо этого сказал:

– Кренов звонил. Депутат твой.

– Хочет что-то сообщить? – заинтересовался Онищенко.

– Нет. Интересовался, что нового. Просил держать в курсе. Ты, это... проинформируй его, что и как. Человек весомый.

– Да? Может, ему план розыскных мероприятий на утверждение дать? – съехидничал Онищенко.

Начальник пожевал губами... И вдруг взъярился:

– Ты мне тут этого не надо, понял! По закону строго чтобы! Но информируй, как положено!

Онищенко хотелось сострить: кем положено, на что и где это положение? Но удержался. Тем более, что были у начальника и... хм... положительные стороны.

Майор посопел грозно, но поскольку опер молчал, то смягчился.

– Ладно, – буркнул. – Иди. Работай.

– Ну, Пал Ефимыч, не тяни кота за хвост, выкладывай! – нетерпеливо проговорил Логутенков. – Что у тебя есть?

– Ну, есть немножко, – Онищенко вздохнул. – Гражданин Куролестов Петр Дмитриевич, друг Суржина и номинальный хозяин «Нивы», работающий старшим мастером в АОЗТ «Мальта», тоже пропал. На работе не появлялся, начальство об отлучке не предупредил, чего прежде за ним не замечалось. Куролестов на хорошем счету, да и работа из тех, которыми не разбрасываются: зарабатывает старший мастер поболее иного директора.

– А чем эта «Мальта» занимается?

– Фурнитура, электрооборудование, сельскохозяйственный инвентарь, скобяные изделия. Много чего. Криминала за ними не числится, «крыша» у них – «Богатырь». Нормальная «крыша», не бандитская. А что?

– Так, ничего. Продолжай.

– Нет, погоди. Ты ведь Суржина хорошо знаешь? Что их может связывать с этим Куролестовым, кроме того, что оба на нашей земле проживают? Социальная среда – разная, круг общения... Чиновник мэрии и старший мастер мелкой фирмочки... Понимаешь?

– В школе они вместе учились, – ответил следователь. – Ты продолжай.

– Связался с матерью Куролестова. Относительно местонахождения сына, невестки и внучки ей ничего не известно. Уговорил ее подать заявление на розыск. Хочу на законном основании осмотреть квартиру.

– Есть смысл?

– Есть. Бабульки у подъезда видели, как Куролестов и Суржин в четверг, около девятнадцати, вместе уехали на той самой «Ниве». Объяснения я, кстати, у бабулек взял, в материале есть.

– Вот это интересно! – Логутенков встал и принялся описывать круги по кабинету. – А жена Куролестова?

– А тут, Генадьич, вообще полная ерунда. Мамаша Куролестова показывает, что отношения у супругов ой как далеки от идеала.

– Ну да, спросил свекровь про невестку!

– Как раз наоборот! Свекровь с невесткой нормально общаются, хотя невестка уже с полгода с супругом не живет и вот-вот на развод подаст. Мадам Куролестова, кстати, нынче пребывает в Форосе, в санатории. Она там каждый год отдыхает и пару дней назад оттуда свекрови звонила. По межгороду.

– Ага, – сказал Логутенков. – Идеальное алиби. Снимаешь трубку, набираешь восьмерку, затем код. Привет из Фороса! Нет, Паша, ты уж сделай все как следует. И за город хорошо бы тебе еще раз съездить, место осмотреть, где машину нашли.

– Отработаю. В Форос позвоню и справочку оформлю. Исключительно для тебя. А ты, Генадьич, раз такой умный версии выдвигать, тем более Суржин – твой кореш, завтра в качестве практической помощи мне что-нибудь подкинь. Суржин у меня не единственная потеряшка, а за город туда ехать, чтоб ты знал, в один конец сорок минут на электричке.

– Это ты насчет машины намекаешь? – догадался Логутенков.

– Ага. Я вчера на своих двоих за город таскался. А время у меня – не резиновое.

– Машину свою дать не могу, – покачал головой следователь. – Самому нужна. Но... Знаешь что, Паша: у меня тут студент с юрфака стажирется. С колесами. Я его попрошу. Согласится – получишь машину с шофером.

– Премного благодарен, ваша честь!

После ухода опера Логутенков закурил, взял стул и сел у окна. Он любил курить и думать, глядя на зеленую листву или, в холодное время, на голые лапы веток. За окном было непривычно пусто. Старый тополь спилили неделю назад. Глухая стена дома напротив не способствовала размышлениям, но привычка осталась. Если бы он не проявил инициативу, можно поклясться: никто бы палец о палец не ударил. Подумаешь, брошенная машина! Была б заперта – вообще бы до зимы стояла. Не объявляется хозяин – это его проблемы. И не повод считать, что хозяин мертв. А может, он в Эфиопию репатрировался? Как прямой потомок Пушкина... Нет, ты, Логутенков, все сделал как надо.. И очень удачно, что розыск поручили цепкому и хитрому Онищенко. Очень, очень удачно!

Фамилию «Куролестов» Логутенков от Степы слышал, хотя самого Куролестова никогда не видел и круга его интересов не представлял. Впрочем, это не имело значения. Как не имело значения, за что убили Степу. В том, что его убили, Логутенков был почти уверен. Он хорошо знал Суржина. Живой, тот непременно объявился бы. А версию о похищении Логутенков даже не рассматривал. Он точно знал: Степа не играл с большими деньгами, а с небольшими обращался очень осторожно. Куролестов, Куролестов... Или все-таки политика? Господин депутат – чистый политический деляга. Насколько знал Логутенков,

у Кренова – свои игры, у Степы – свои. Может быть, Суржин что-то громкое нарыл? Или увидел то, что видеть не положено? Возможно. Но маловероятно. Степа ведь не руками ногами шарил, а факты анализировал. Анализировал и использовал. А получал факты от других. Например, от него, от Логутенкова. Неплохо бы узнать, от кого еще. Старший следователь догадывался, что некто, посадивший Суржина на его зампредседательское место, тоже может заинтересоваться его пропажей. И этот некто – определенно не Кренов. Депутата, скорее всего, попросили возглавить комиссию, и он не отказал. Но не факт, что вышеупомянутый некто по сей день продолжал контролировать своего ставленника. Кто их разберет, эти политические игры?

Краем уха Логутенков слышал о какой-то общественной организации, с которой его друг был крепко связан, но, как назло, ее название вылетело из головы. Ничего, вспомнится. Черт! Жаль, если Степку действительно убили!

Из докладной записки первого заместителя председателя Специальной комиссии С. В. Суржина, представленной Федеральному Комитету по обеспечению конституционных прав (ФККП):

«...В последнее время на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области активизировал свою деятельность ряд псевдорелигиозных организаций сатанинской направленности. Первичный анализ имеющихся материалов дает основание рассматривать некоторые из этих организаций как крайне опасное социальное явление. Идеологической базой сатанизма являются лозунги „Смерть всему живому!“, „Война христианству!“, „Бог христиан мертв!“, „Слава Сатане!“ и тому подобное. Есть основания полагать, что поклонение Сатане включает ритуальные убийства и человеческие жертвоприношения. А также растление малолетних, осквернение могил, издевательства над животными, употребление и распространение наркотиков, сексуальные оргии, извращения, осквернение храмов. Не исключена возможность создания на базе сатанинских групп вооруженных формирований и проведение террористических актов...»

Глава восьмая

– Дашка, Дашка – круглая мордашка! – пропел Юра.
Даша запустила в него стаканом для карандашей.
– Дарья! – раздался строгий голос из-за дверей. – Что у тебя там происходит?
– Это не я, это Юрка безобразничает! – крикнула Даша. – Альбина Сергеевна, можно я уйду?

– Резюме где? – Альбина Сергеевна Растоцкая появилась в дверях. – Здравствуй, Юра!
– Здравствуйте!

Даша подала Растоцкой распечатку.

– Тут и записка вашего брокера. – Даша скривила губки. – По-моему, он дурак.

– Если дурак, будем менять...

Зазвонил телефон, Даша потянулась к трубке.

– Иди уж! – сказала Альбина Сергеевна. – Растоцкая у телефона...

Даша подхватила сумочку и выскользнула в приемную.

– Пока, Майка! – махнула она секретарше.

– Пока! До свиданья, Юра! Приходите еще!

– Обязательно! – Юра улыбнулся бывшей «Мисс Петергофский Карнавал» и получил от Дарьи кулачком в бок. Довольно основательно.

В узком коридорчике, занимая половину его ширины, восседал охранник Филя. Белая рубашка, галстук – и не вписывающийся в деловой имидж пятнистый бронежилет с нашлепкой на груди «Ассоциация безопасности „Шлем“».

– Ах, Дашенька, когда же мы с вами в «Шанхай» пойдем? – осведомился он, демонстративно игнорируя Юру.

– Филя, я же сказала, что не люблю китайскую кухню. – Даша фамильярно похлопала по пятнистой спине. – Дверь открой.

На Невском было жарко. И многолюдно, несмотря на жару.

Даша надела темные очки, одернула платье:

– Как я выгляжу?

Тонкая талия обвита плетеным поясом. На ногах такие же, в тон, плетеные туфельки, золотистая коса оттягивает затылок.

– Ошеломляюще! – Юра улыбнулся.

– Как Альбина?

– Круче!

– Это ты врешь! – засмеялась Даша. – С моей плебейской мордочкой!

– А глаза у тебя синие, как сон! – патетически произнес Юра. – Правда, за очками не видно.

– А что видно?

– Ноги, – сказал Юра. – У твоей Альбины, заметь, юбки значительно длиннее. Куда пойдем?

– Туда! – Даша махнула рукой в сторону Фонтанки. – Ты есть хочешь? Нет? Тогда купи мне мороженое!

– Блин! – хрипло сказала Светка. – Какая я стала тощая! Дай попить!

Слава протянул ей початую бутылку пива. Теплая жидкость вызвала у Светы приступ тошноты, но она справилась, влила в себя все до конца. Чуток полегчало.

– Ну как прошло? Нормально? – спросила она и только сейчас заметила, что ее Слава вроде бы слишком угрюм. Обычно после Черной службы ее дружок пребывал в умиротворенно-расслабленном состоянии.

– Ты что, ни хрена не помнишь? – мрачно спросил Слава.

– Не-а.– Светка почесала между ног, подошла к окну: какие-то гаражи, бурьян.– Это мы где? – спросила она.– И где остальные?

– В п...! – буркнул Слава. Он сидел, скрестив ноги, на самодельном топчане, застеленном грязным одеялом.– Ты точно ничего не помнишь?

– Да что ты пристал! – обиделась Светка.– Сказала – не помню! Николай где? Как трахать, так впереди паровоза, а как ломак снять – хрен! Где Николай, спрашиваю? Мне колеса нужны!

– Потерпишь.

– Да пошел ты! Всё! Я домой иду!

Светка направилась к двери, но Слава, вскочив, перехватил ее:

– Стой, дура! Куда ты поперлась голая?

– А? – Светка удивленно посмотрела на свои груди.– И правда. А где мои шмотки?

– Нету!

– Тогда давай мне свои штаны! – Светка дернула за ремень его джинсов, расстегнула молнию.– Во блин! – удивилась она.– Ты чё, ночью не натрахался?

Слава молча освободился от одежды, так же молча завалил ее на топчан. Светка лежала неподвижно, глядела в потолок. По потолку ползали мухи.

– Ну, ты кончать будешь или как? – спросила она.

– А ты?

– А мне по фигу.

– То есть как? – Слава остановился.

– А так,– Светка разогнула ноги, покачала грязными пятками.– Не о-щу-ща-ю. Чё стал? Давай, мне без разницы.

Слава целую минуту пристально глядел на осунувшееся лицо подруги. Так пристально, что она забеспокоилась:

– Э, Славик, ты чего?

И тут он ей врезал.

«...На встрече в заранее условленном месте источник сообщил, что ему стало известно о связи фигуранта с одним из работников морга Четвертой горбольницы по фамилии Гунин. По внешним признакам уверенно установить принадлежность Гунина к кругу разрабатываемых затруднительно, но допустить такую вероятность, учитывая манеру держаться, а также конспиративность, проявленную Гуниным при проведении встречи, вполне возможно. Источник сообщил также, что Гунин пользуется мобильным телефоном. Проведенная проверка показала, что телефона, зарегистрированного на фамилию „Гунин“, – нет. Возможно, использовано подставное лицо или же номер оформлен за рубежом».

Справка: Информация в отношении Гунина первичная, представляет оперативный интерес.

Мероприятия: По получении установочных данных Гунина дать задание на квалифицированную установку силами сотрудников ОПУ.

Из рапорта майора Д.

Резолюция: Информация интересная. Взять Гунина в активную разработку.

Приписка: На Гунина заведена разработка под условным наименованием „Нибелунг“.
№... от ...»

Глава девятая

После тренировки все рассыпались на группы: кто в метро, кто на трамвай-троллейбус. Юра с Федей обычно отделялись от остальных и шли прогуляться, поговорить. Времени на общение у обоих оставалось немного. У Кузякина – работа, у Матвеева – экзамены.

В этот вечер Кузякина не было – вечерняя смена, и Юра решил воспользоваться моментом.

– Прогуляемся? – сказал он, хлопнув Славу по плечу.

– Надолго? – настороженно спросил Слава.

– На пару слов.

– Ну давай.

Они отделились от остальных, свернули во дворы. Юра молчал, думал, как начать.

– Не знаешь, когда сэнсэй вернется? – спросил Слава.

Матвеев пожал плечами.

Еще минута тишины.

– Ты просто так меня позвал или дело какое? – не выдержал Слава.

– Дело, – ответил Юра. – Федька говорил, ты с ним о чем-то оккультном хотел потолковать?

– Было, – согласился Слава.

Внутри ёкнуло: «Работает! Только подумал – и он сам пришел! Вот что значит истинная Сила!»

Но, боясь спугнуть, ответил осторожно:

– Твой дружбан сказал: ему неинтересно.

– Ему – нет, – кивнул Матвеев. – А мне – да...

Теперь Славе трудно было представить, как он жил раньше. Словно слепой был. Теперь он прозрел. И увидел, кто по-настоящему правит миром. Вот тетка идет навстречу, толстая, как свинья. Это потому что пожрать любит. А девчонка рядом с ней – сиськи вперед, волосы красные, губы красные: этой выпить и потрахаться. А вот этому мужику – просто выпить. Побольше и почаще. А эти пацаны приключений ищут. В пятак кому двинуть...

– Здорово, Славик! Как твое ничего?

– Здорово, Буц! Привет, Химик! Нормально.

– А чего на тусовку не пришел? Классно играли!

– Тренировка. Ладно, пока. Некогда.

Отвалили. Сигаретки, пиво. Химику Слава полгода назад зуб выбил. Вздумал Светку клеить. Слава ему сказал вежливо – не понял. Потом понял. Когда фикса вставлял. Теперь под блатного косит, придурок. При встрече сразу руку тянет. Дружбан, блин. Все – одинаковые. Все хотят получать удовольствие. Жрать, пить, трахаться, колоться. Все хотят ловить кайф. Но никто не понимает, почему так. Глупые христиане думают, что это грех, и бегут в церковь. Покаются и опять ищут, где кайф словить.

И только избранные знают, почему так. Избранные, такие, как Слава, знают – никакого греха нет. И закона тоже нет. Сказал умный человек: «Делай, что хочешь. Вот и весь закон». Удовлетворяй свои желания сейчас и не позволяй никому на тебе ездить. Люди рождены хищниками. А если кто-то хочет стать овцой – его сожрут. Лично он, Слава Плятковский, овцой не будет. И точка.

Подходя к подъезду, Слава на всякий случай глянул на свои окна. Шторы на кухне задернуты. Значит, все в порядке. Если бы его ждали менты, мать раздвинула бы шторы.

На лавочке у подъезда сидела малышня. А ведь уже почти одиннадцать. Правда, лето. Светло и тепло.

– Привет, привет, привет!

Слава небрежно кивнул.

– Оксанка, – сказал строго, – ты что домой не идешь?

Оксанке, десятилетней девчонке с желтыми, как перья раннего одуванчика, волосами, Слава покровительствовал. Малявка жила без родителей (куда делись – неизвестно), с бабушкой. Прошлым летом Слава хорошенько вздул сопляков, устроивших ей «пятый угол». С этих пор малявка числилась как бы под его покровительством, глядела на Славу с обожанием и тихо демонстрировала преданность. Славе приятно чувствовать себя великим человеком. Приятно и полезно: девчонку всегда можно послать с каким-нибудь мелким поручением. Это было честно. Под Славиным крылом тихий одуванчик ожил и больше не чувствовал себя во дворе крайним и беззащитным. Слава был скор на расправу, а главное, быстро бегал, поэтому самого шустрого мог изловить и нащелкать по макушке.

– Домой! – строго сказал Слава, и девочка послушно поднялась. – Никто не обижает? – осведомился многозначительно.

– Не-ет! – Оксанка улыбнулась.

Васильковые глаза сияли. Ухватив ручонкой Славины пальцы, потащила его в подъезд: вроде как он ее провожает. Оксанка жила на первом этаже. Слава подтолкнул ее к двери, растрепал ладонью желтые перышки:

– Пока.

– Пока! – звонко пискнула малявка, дотянулась до звонка, а Слава взбежал на свой этаж.

Маленький человечек, как всегда, поднял ему настроение. Хотя и не укладывался в систему, управляющую миром. Систему поиска удовольствий и удовлетворения плоти. «Это потому, что она маленькая, – подумал Слава. – Вырастет и станет как все».

Почему-то эта мысль была ему неприятна.

Родители смотрели новости. Смотрели и комментировали. Слава тихо вошел, запер дверь и отправился на кухню ужинать макаронами с дешевым фаршем. Ничего, если хорошенько полить кетчупом – нормальная жрачка.

На кухне появился отец.

– Как дела?

– Нормально, – с полным ртом пробормотал Слава.

– А наши опять заявление сделали.

«Наши» – это Владимир Вольфович.

Пока Слава ел, отец развивал тему: «Россия – для русских». То, что сам наполовину поляк, его не смущало. Вон Жириновский и вовсе Вольфович. Слава слушал впол-уха. В общем, все было правильно. Если тебе что-то нужно – возьми. Не дают – отними, и дело с концом. Но только не верилось Славе, что отец может что-то отнять... Какие-то они с матерью пресные. И желания у них пресные. Выцветшие. Слава другой. Настоящий Отец у него – другой. Тот, которому он служит. «Domini Satanas!» А этот – так... Макароны с фаршем. Слава сунул тарелку в раковину (мать помоеет), обогнул папашу и ушел к себе. Достал бутылку пива, врубил музыку, сел в кресло и задумался. Подумать было о чем...

Глава десятая

– Веселые, однако, картинки! – изрек Онищенко.

– Хэви меҒтал! – уточнил прокурорский стажер, Дима Жаров, добродушный парень с могучим подбородком, счастливый обладатель старенькой «шестерки».

– Не-а, блэк метал! – еще более компетентно заявил понятой, стриженный наголо малый, сосед Куролестовых. Второй понятой, папаша бритоголового, с большим интересом разглядывал выдержанный в багровых тонах плакат, где мускулистый рогатый чертяка пользовал юную блондинку способом, популярным у сексуальных меньшинств.

Семиметровая комнатуха, где обитала дочь Куролестовых, разительно контрастировала с бедновато-добропорядочным интерьером остальных комнат.

Онищенко выдвинул верхний ящик стола и увидел среди прочего хлама и дешевой косметики спичечный коробок. Поскольку уже давно наступил век зажигалок, коробок, естественно, привлек его внимание.

В коробке оказалась «травка», то есть, говоря протокольным языком, «вещество зеленого цвета растительного происхождения с характерным запахом конопли».

Строго говоря, вещь криминальная, но в данном случае бесперспективная. Посему Онищенко просто положил коробок в карман.

Опять-таки, строго говоря, обязательный осмотр квартиры при работе с потерянками – вещь формальная. Обычно проводится на выявление следов борьбы, пятен крови, останков и частей тела... Вдруг сговорились невестка со свекровью и замочили родственников? Впрочем, участие жены пропавшего исключалось. Утречком Онищенко позвонил в Форос, переговорил с администратором санатория. По словам администратора, Куролестова Фороса не покидала. Онищенко, как и обещал Логутенкову, подколол справочку к материалу и занялся более перспективными версиями.

Осмотр личных вещей – инициатива опера. Но бабулька, понятное дело, об этом понятия не имела. Положено – значит положено. Попросил ее Онищенко «организовать» понятых, зашла к соседям и «организовала».

Пока Онищенко «проявлял инициативу» в маленькой комнате, в большой зазвонил телефон. Трубку сняла мать Куролестова.

– Это Петю спрашивают. – Она вопросительно посмотрела на опера. Тот решительно перехватил трубку.

– Петр Дмитриевич, – зашебетали на том конце линии, – это вас из охрannого предприятия «Броня» беспокоят, из бухгалтерии.

– Да, – сказал Онищенко, нисколько не смутившись. – Я вас слушаю.

Словосочетание «охрannое предприятие» его весьма заинтересовало.

– Петр Дмитриевич, у нас тут налоговая проверка ожидается. То есть деньги по договору получены и приходный ордер и акт выполнения работ, а на договоре по оказанию вам юридической помощи...

– Юридической?

– Ну, тут написано «Консультация по правовым вопросам».

– Да. И что же?

– Так подписи вашей на договоре нет! Петр Дмитриевич, вы бы подъехали, будьте добры! Уж не подведите нас!

– Ладно, подъеду – изображая голосом недовольство, буркнул Онищенко. – Адрес напомните.

– Гороховая, шесть.

Капитан прикинул по времени и сказал:

– Буду через час.

– Это кто? – поинтересовалась мать Куролестова.

– С работы, – ответил опер. – Я разберусь. Дима, собери подписи, мы закончили.

До «Брони» Дима домчал с ветерком. Катать Онищенко ему не в тягость. Повеселее, чем с бумажками бегать.

Пока ехали, Онищенко принимал грозный вид и все думал, как ему «заморщить» охранный предприниматель. Однако нарочитая агрессивность не понадобилась. Ему даже не пришлось воспользоваться домофоном. Прямо под надписью «ООО ОП „Броня“» с традиционным глазком телекамеры он нос к носу столкнулся со своим старинным корешом Колькой Свистуновым, с которым в прежние времена, когда работали в Центральном «убойном», не один пуд водки скушано.

Не виделись они давно, и Онищенко сразу отметил цветущий вид кореша, ладную куртку с кучей эмблем и надписей типа «секьюрити» и огромный бэйдж на груди с Колькиной фамилией и цветной фотографией.

– Пашка, ты?! – обрадовался Свистунов. – Каким ветром? Случайно не на работу устраиваться?

Темнить с Колькой Онищенко не было никакого смысла. Потому, выкурив с приятелем тут же под дверью по сигарете, капитан в двух словах ввел его в курс дела. Выяснилось, что в ОП Свистунов был не последним человеком, а целым старшим смены на каком-то крупном объекте.

Оценив серьезность проблемы, Колька провел капитана внутрь. Своего кабинета у Свистунова не было. За ненадобностью. Поэтому расположились они в пустой раздевалке на кожаном диване, где помимо двух десятков шкафчиков имелись большой цветной телевизор и холодильник, из которого Свистунов извлек пару банок пива.

– Мое, – сообщил он. – Давай, выкладывай подробности.

Онищенко изложил полную версию: Колька зря болтать не будет.

– Что мне от вас надо, сам догадаешься, – закончил опер и устремил на кореша вопрошительный взгляд.

– Понимаешь, старик, – начал Свистунов, – такое дело... Ну, ты законы знаешь... Тут у нас есть ребята, что раньше в наружке работали. Один, кстати, вообще по документам водилой трудится, ему и лицензии не надо, и ответственности нет... Короче, шефу иногда, ну по очень хорошим рекомендациям, перепадает клиенты, которым в качестве услуги нужно осуществить наружное наблюдение. Работаем мы осторожно, не зарываемся, в явный криминал не лезем и клиента, естественно, проверяем. Деньги, сам понимаешь, черные и распределяет их сам шеф среди исполнителей. Но на всякий случай оформляем какой-нибудь левый договор на ерунду и какую-то долю проводим по ордеру, официально.

– Да ладно, – махнул рукой Онищенко. – Я ж не налоговая полиция.

– Ну! – Свистунов повеселел. – Кстати, один из ребят, что по Куролестову работал, с минуты на минуту должен подъехать оружие сдавать, он со смены меняется. Только... – Бывший «убойщик» замялся. – Ты ведь на объяснение его брать будешь?

– Буду, – кивнул Онищенко.

– Нас не подставь, лишнего там не пиши.

– Можем с вашим шефом согласовать, если хочешь.

– Давай. Заодно и познакомитесь. Мало ли...

Через пятнадцать минут Онищенко уже общался с наружником – низкорослым мужичком невзрачной внешности.

– Дело – пустяк, – сказал «частник». – Этот Куролестов хотел, чтоб ноги за его дочкой поставили, боялся – спуталась девушка с криминальной компанией.

– Ну и что?

– А ничего. Связалась девчонка с придурками. Дьяволопоклонники. Экзотика, понимаешь. Балахоны, факелы, трах-тарарах при луне. Мы их разок наблюдали за отправлением обрядов.

– А что за публика? – поинтересовался Онищенко.

– Сопляки! Мы троих по домам «развели», пробили по адресам, потом на пробу еще двоих – утром до места учебы сопровождали. Ничего особого. Дурные подростки. Девчонка туда с приятелем ходит. Таким же тинэйджером. Ничего, армию пройдут – вылечатся.

– Это смотря куда попадут, – заметил опер.

– Точно!

– Значит, без криминала? – спросил Онищенко.

– Без. Кошку, поганцы, убили, вот и весь криминал. Ну, между нами, травкой баловались и таблеточками тоже. Но по мелочи. Аптечная дешевка. Прихватить можно, но смысла нет. В общем, по просьбе клиента наблюдение сняли. А он нам еще и сверху накинуд за то, что установили время и место очередного сборища. Мы это как нашу оперативную наработку подали.

– А на самом деле?

– Они на улице договаривались. И орали так, что на двадцать метров слышно.

– Больше вас не подключали? – спросил Онищенко.

Детектив покачал головой.

– На какой день, говоришь, это сборище намечалось? – спросил Онищенко.

– А я не говорил, – усмехнулся детектив. – Но могу сказать. На прошлый четверг. В девять вечера. А что?

– И где же?

Услышав – Ландышево – и сопоставив с местом обнаружения «Нивы», опер сразу почувствовал – в цвет!

– Ты не лыбься, – сказал он наружнику. – Есть предположение, что в этом адресе двойная мокруха может нарисоваться. Ваш клиент и его приятель.

– Эти? – недоверчиво проговорил детектив. – Ну, не знаю...

– Вот и я не знаю. – Онищенко полез в папку. – В общем так, мы сейчас в Ландышево съездим, а на обратном пути я заеду, составлю объяснение. А ты пока с руководством проконсультируйся, чтоб... Ну сам понимаешь.

Онищенко и Жаров покинули агентство, а озабоченный детектив двинул к начальству. Убийство клиента, пусть и после окончания срока договора, ничего хорошего «Броне» не сулило.

– Ну что, Дима, смотаемся в это Ландышево? – спросил капитан. – Бензина хватит?

– Не хватит – заправимся, – оптимистично ответил Жаров.

Участковый, пузатый краснорожий мужик с явственным запахом перегара, приезду городских нисколько не обрадовался, а на Шилова поглядывал с укоризной: мол, чего это ты на нашу землю городских притащил?

– Ландышево? Да никогда там ничего не бывало! – пробубнил он. – Вот в Пипине или там в Шадриках – это да. Криминальный труп в прошлом квартале. Еще сгорел один...

– Василич, – перебил местный опер. – Тебе вопрос задали.

– Да чего уж... – Участковый махнул рукой. – Ландышево – не то место. Там даже своя охрана имеется, хотя большие люди там не живут. У меня на земле вообще большие люди никто не живут, – изрек он с огорчением.

– Большие – это кто? – спросил Онищенко.

– Ну, авторитеты. А Ландышево...

– Поехали, – решительно произнес Жаров.

– Куда?

– На место.

– Не-е! Я не могу! – Участковый вытер потный лоб. – У меня, понимаешь, люди придут... Слышь, Саныч, давай ты сам, а?

– Василич! – предупреждаяе процедил Шилов.

Дима выдвинул челюсть и собрался было объяснить этому дачному Анискину, кто есть кто, но Онищенко жестом остановил стажера.

– У нас в машине пиво есть, – вкрадчиво молвил Онищенко. – Ты как, Саныч, пиво пьешь? А ты, Василич?

– Заманивешь, – шумно вздохнул толстяк. – Ладно, хрен с вами, поехали!

Дом двенадцать был последним на улице Березовой. Сразу за ним начинался лес. Напротив – участок с котлованом и кучей строительного мусора, рядом – белый каменный коттедж умеренной крутизны. Сам же дом двенадцать – новенькое деревянное строение с красной крышей. Перед домом – поляна, вдоль забора – высокий кустарник. Огородничеством хозяин участка не баловался.

Приехавшие вышли из машины, прошли через калитку на просторный участок. Участковый поднялся на крыльцо, постучал. Никакой реакции.

– Василич, – сказал Онищенко, – ты тут на своей земле, займись-ка соседями, а мы вокруг дома пошустрим.

– И чего спрашивать? – недовольно проворчал участковый.

– Да все. Может, шум слышали, крики, выстрелы. Василич, ты же не первый год замужем, сам сообразишь.

Спровадив участкового, повернулся к остальным.

– Ну, за дело, – бодро изрек он.

– И что мы ищем? – настороженно поинтересовался Шилов. – Случайно, не орудие убийства?

– Не бойсь! – успокоил Онищенко. – «Глухаря» на тебя не скину! А ищи все. Особенно то, чего не должно быть!

Первую деталь обнаружил местный опер, привыкший возиться с растительностью.

– Гляньте, мужики! – позвал он.

В нескольких местах на участке дерн был аккуратно подрезан. Более густая, чем на остальной поляне, трава слегка подсохла и образовала два длинных – примерно три на два метра – прямоугольника. Остальные «подмены» были значительно меньше по площади.

– Оп-па! – обрадовался Онищенко. – Ну-ка!

Присев, он ухватился за траву, без труда сдернул дерновый квадрат. Шилов тоже опустился на корточки, потыкал землю пальцем

– Нет, – покачал он головой. – Грунт не трогали.

– Жаль, – искренне огорчился Онищенко. – А я уж думал: нашли! А за каким хреном его срезали, как думаешь?

Шилов пожал плечами.

– Может, кровь, – сказал он. – А может, по каким-то садовым делам. Сделано, видишь, аккуратно. Старались ребята. Так что, Паша, ломик со следами мозгового вещества в кустах мы вряд ли найдем.

– А я вот что нашел! – Жаров держал за фитилек огарок черной свечи.

– Угу... – Онищенко приблизил длинный мясистый нос к огарку. – Ах какие пальчики! – восхищенно произнес он. – Просто как на пленочке! Ну молодец, Дима! Просто молодец! Ну, погнали дальше, мужики, пока солнышко светит.

К сожалению, больше на участке ничего не нашли. Правда, за участком, пошарив палкой в канаве у калитки, уже сам Онищенко обнаружил автомобильный брелок с тремя клю-

чами. Сам брелок был безвозвратно испорчен, поскольку пребывание в воде плохо сказывается на электронике, тем не менее находка была любопытная.

В город вернулись около шести. Заехали в «Броню».

– День прожит не зря! – с удовольствием констатировал Онищенко, которого Жаров подвез домой. – Завтра к начальнику твоему пойдем: хвастаться! Если ему понравится, будем и дальше вместе работать. Ты не против?

– Нет. Мне понравилось, – ответил Жаров.

Он не знал, что завтра на работу пойдет пешком. За ночь с оставленных во дворе «Жигулей» некие умельцы снимут все четыре колеса.

«...На встрече в заранее условленном месте источник Острый сообщил: объект Кришина получил от неустановленного лица денежную сумму. Предположительно, не меньше пяти тысяч американских долларов.

Источнику удалось установить, что объект Пастор имеет доступ в одну из закрытых групп второго уровня.

Объект Шаман (Пархисенко) в личной беседе с Пастором хвастал, что имеет уже четырех неофитов, перспективных для передачи на высший уровень. Говорил также, что за каждого неофита, переданного наверх, он получит тысячу долларов премиальных и, кроме того, тысячу поинтов заслуги, что соответствует двум ритуальным жертвоприношениям или пяти убийствам, совершенным ритуальным оружием. Объект намекал, что совсем недавно такое убийство совершил, но получить конкретную информацию о месте и времени не удалось. По словам объекта, до следующего посвящения ему остается три тысячи триста семьдесят поинтов.

Объект Мохнатый встречался с одним из лидеров велесовской преступной группировки Трубкиным (кличка Труба). Получить более подробную информацию в настоящее время не представляется возможным.

Задание: Продолжить дальнейшее освещение образа жизни разрабатываемых лиц, выявлять факты их противоправной организационной деятельности...

Справка: Информация представляет оперативный интерес. Указанные в сообщении лица являются объектами оперативной разработки под условным наименованием „Черная сеть“.

Мероприятия: используя возможности МВД, получить возможно имеющуюся информацию в отношении разрабатываемых объектов. В соответствии с планом оперативных мероприятий в рамках разработки дать задание ОПУ на выполнение квалифицированной оперустановки. Особое внимание уделить установлению личности объекта Пастор. При получении интересующей информации по фигурантам дать задание на наружное наблюдение вышеуказанных лиц...

Резолюция: Согласен. Особое внимание – информации об убийствах. Проверьте милицеские сводки. О результатах доложить.

Григорьев».

Глава одиннадцатая

Онищенко с интересом разглядывал сидящего перед ним человека. Холеные руки, холеное лицо с аккуратно подстриженной бородкой, тщательно отглаженный летний костюм, на среднем пальце правой руки – замысловатый серебряный перстень.

– Мучников Николай Иванович, проживающий по адресу: Саперный переулок, дом двадцать три, квартира шесть, так? – спросил Жаров.

– Так. А в чем, собственно, дело?

Гражданин Мучников имел вид уверенный, но с крохотной долей обеспокоенности. Вполне оправданной обеспокоенности. Специфика бизнеса по-русски. Много ли у нас обеспеченных людей, которым нечего скрывать от закона?

– Та ничего серьезного, Николай Иванович, – Онищенко широко улыбнулся, продемонстрировав среднего качества зубы. Звук «г» он нарочито растягивал на малороссийский манер. Этакий добродушный простоватый мент, любящий выпить, закусить, потискать что-нибудь мясистое женского пола. – Но, может, у вас, Николай Иванович, есть чего мне сказать?

Мучников пожал плечами:

– Совершенно не представляю, что может вас интересовать.

– А, прошу прощения, исключительно для протокола, где и кем трудитесь?

– Я продюсер.

– Продюсер? – простодушно удивился опер. – Это шо такое за бизнес?

– Я организую гастроли, в том числе зарубежные. Музыкальные коллективы, эстрадные шоу, показ моделей...

– Моделей? – переспросил Онищенко. – Ну теперь понимаю! – Он пошевелил в воздухе толстыми пальцами. – Теперь понимаю. А, прошу прощения, где вы, Николай Иванович, находились вечером в прошлый четверг?

– Какое это было число?

– Момент... – Онищенко сделал вид, что ищет по календарю. – Тринадцатое. Что, не можете припомнить?

– Ну почему же, могу. Тринадцатого числа этого месяца я находился в Финляндии. Если сомневаетесь, могу принести паспорт с соответствующими отметками.

– Ну что вы, что вы! – замахал руками Онищенко. – Я верю. Николай Иванович, дом номер двенадцать по улице Березовой в садоводческом товариществе «Ландышево» вам принадлежит?

– Мне. А что случилось? – Мучников слегка привстал. – Ограбление? Пожар?

– Та не, все хорошо! – Онищенко сделал успокоительный жест. – Целый ваш дом, стоит, не беспокойтесь. Николай Иванович, а кто еще кроме вас там проживает?

– Где?

– Та в доме этом.

– Никто.

– Да? – Густые брови опера взметнулись вверх, изображая крайнее удивление. – Вы не запамятовали, Николай Иванович? Может, ключи кому давали, подруге какой случайной или там родственникам?

– Нет, – последовал твердый ответ. – Ключи от дачи только у меня, родственников у меня нет, и случайных подруг – тоже.

– Это точно?

– Абсолютно. А в чем все-таки дело?

– Та ничего особого, – опер махнул рукой. – Надо кое-что уточнить для отчетности. Значит, Николай Иваныч, ключей от дома вы никому не давали и не теряли, так?

- Да.
- А может, на участок кого пускали?
- Нет. Все-таки, что произошло?
- Та соседи жаловались. Шумят у вас на участке. Крики, поют, спать мешают...
- Мне об этом ничего не известно, – отрезал Мучников. – В Ландышеве я не был уже две недели. Вы уверены, что с домом все в порядке? – Нервное постукивание перстнем по столу. – А почему, собственно, товарищ капитан, эту жалобу соседей рассматриваете вы, а не тамошнее районное отделение?
- По месту жительства, – тут же ответил Онищенко.
- Но я же прописан не в вашем районе.
- Вас это беспокоит, Николай Иванович? – Онищенко поглядел на руку Мучникова, и тот, спохватившись, перестал стучать, достал из внутреннего кармана черную расческу на ручке, провел несколько раз по волосам.
- Я спрашиваю, это вас беспокоит? – повторил опер.
- Нет. Но довольно странно... – Мучников спрятал расческу в карман. Онищенко успел заметить на ней золотую готическую надпись.
- Ничего странного, – возразил опер. – Рассматриваем по месту жительства подавшего заявление. Значит, Николай Иванович, вы ничего не хотите больше сообщить?
- О чем?
- О событиях, имевших место на вашем участке?
- Если там имели место какие-либо события, то мне о них ничего не известно! – отчеканил Мучников.
- Ну и хорошо, – благодушно кивнул Онищенко. – Тогда ознакомьтесь и подпишите. Мучников прочитал, посмотрел на опера.
- Есть возражения по тексту? – спросил Онищенко.
- Слово «посторонним» пишется с тремя «о».
- Исправьте, – разрешил Онищенко. – Других возражений нет?
- Других нет.
- Тогда напишите «С моих слов записано верно, мною прочитано» и распишитесь. Вот и все. Благодарю за помощь, Николай Иванович. Всего хорошего!
- Про дерн Онищенко ничего не сказал. И про свечку тоже. Всему свое время.
- Сняв телефонную трубку, он набрал номер Логутенкова:
- Генадьич? Это Онищенко. Ты на месте? Тогда жди, я подъеду.
- В кабинете Логутенкова сидела пожилая женщина.
- Мне подождать? – спросил опер.
- Останься, мы уже закончили.
- Через минуту женщина покинула кабинет, а «важняк» полез за сигаретами.
- Дима мне намекнул, что вы кое-что нашли.
- Сказал – что?
- Про дерн сказал. И как вы, вурдалаки, обрадовались, когда решили, что захоронку обнаружили. – Логутенков улыбнулся. – А про остальное – ничего. Тебя ждал.
- Так зови его.
- Он в больницу уехал. За заключением паталогоанатома по одному делу. Кстати, уже давно должен был вернуться.
- Ну тогда с этим подождем, – сказал Онищенко. – Я сегодня с владельцем дачи беседовал.
- Так быстро?
- Домой ему позвонил, – пояснил Онищенко. – Вежливо попросил подъехать. Ну он не стал откладывать как законопослушный гражданин.

- Так уж и законопослушный?
- В указанное время, говорит, находился в Финляндии.
- Не врет?
- А смысл? Проверить же – как два пальца.
- А как он вообще?
- Вообще... – Онищенко задумался. – Ничего не могу сказать. Аккуратный очень. В словах. С процедурой нашей знаком. Я ему сказал, что заяву соседей проверяю, так он спросил: почему я, а не по территориальности?
- И что ты ответил?
- Сказал: по месту жительства соседа. Мол, тот послал нам по почте.
- Может, лучше было Шилова попросить?
- Ничего. Если он – чистый, то не важно. А если нет – не имеет значения. Я его все равно насторожил. Да, Генадьич, перстень у него приметный. Крест нерусский, змея и звезда шестиконечная. А по паспорту не еврей и рожей тоже не похож. Хотя чернявый...
- Шестиконечная звезда, голубь, не национальный признак, а символ, к твоему сведению. Ну-ка опиши этот перстенок подробнее.
- Я лучше нарисую. Дай бумажку.
- Онищенко извлек ручку и по памяти, но с большой точностью изобразил мучниковский перстень.
- Ага, – сказал удовлетворенно Логутенков, поглядев на рисунок. – Египетский крест в шестиконечной звезде и все это в обрамлении пожирающей хвост змеи. Типичная, Паша, оккультная символика. Часто еще свастику по контуру изображают. Не было свастики?
- Не было. А откуда ты, Генадьич, такой умный?
- Да уж поумнее некоторых оперуполномоченных. А если без шуток, ты спрашивал у господина Кренова, чем их комиссия, а в частности, мой друг Суржин занимается?
- Спрашивал. Но их депутатство от ответа уклонились. И чем же?
- Как раз этим самым. Ритуалами, связанными с человеческими жертвоприношениями. Вот от Степы я этой символики и набрался. Собственно, он сам меня и ориентировал, а я с ним делился... кое-какими материалами.
- Значит, Суржин занимался сатанистами.
- В основном.
- Тогда непонятно, почему он один, как дурак, поперся прямо к ним в зубы? Они ведь запросто могли его грохнуть? Какие-то странные методы для серьезного человека!
- Странные, – согласился Логутенков. – Степа ведь не дурак. И бывший мент к тому же. Полезть вот так, нахрапом, без подготовки – не в его стиле.
- Тогда что же?
- Будем думать. А вот и Дима!
- Жаров вошел в кабинет и положил на стол папку.
- Что так долго, Дима? До больницы езды пятнадцать минут. Были проблемы?
- Проблема одна, – ответил Жаров. – У меня ночью машину разули. Все четыре колеса. Обидно. Месяц как новую резину поставил. Так что не ездить нам больше с вами, товарищ капитан. По крайней мере в ближайшее время.
- Ну это мы поглядим, – сказал Онищенко. – А пока давай порадуем товарища следователя по особо важным делам нашими находками! – Он вынул из кармана два полиэтиленовых пакетика. В одном – огарок черной свечи, в другом – брелок с ключами.
- Огарку следователь особого внимания не уделил, а вот брелок сразу же вытряхнул на стол.
- Так, – сказал он. – Где нашли?
- В канаве, – ответил Онищенко. – Перед калиткой.

Логутенков вертел брелок в пальцах, молчал.

– Эй! – не выдержал опер. – Генадьич, ты чего? Знакомая вещь?

– Знакомая, – глухо проговорил следователь. – Это ключи Суржина.

Надежда, что Степа жив и вершит где-то свои секретные дела, таяла.

– Ладно, – сказал важняк, опуская ключи в карман. – Завтра поедем осмотрим квартиру. И заодно поглядим, на месте ли его вторая машина. Дима, можешь идти домой, а тебя, Паша, если минут пять подождешь, я подброшу.

Глава двенадцатая

Домой Дима Жаров ехал на автобусе. На маршрутке быстрее, но Дима экономил. Тратиться на маршрутки – мотовство. Лучше в конце месяца купить еще шестнадцать метров «оперативки» для компьютера. Хотя какая, блин, «оперативка»? Колеса же! Надо где-то бабки искать...

Рядом с Димой, цепляясь за перекладину, слушал музыку прыщавый тинэйджер.

Подошла тетка-кондукторша, глянула мельком на Димину ксиву. Тинэйджер тоже достал документ, который тетка так же механически отсканировала и двинулась дальше. На физиономию меломана она глаз не подняла – и напрасно. Документ был «чернобыльский», а на «ликвидатора» меломан никак не тянул. По сопливному возрасту.

– Чего, бля, смотришь? – вдруг изрек сосед, перехватив взгляд Жарова. – По ушам дать? Дима удивился.

– Мальчик, – произнес он, взирая на меломана сверху вниз, – ты случайно не болен?

Парнишка зыркнул по сторонам: они с Димой были у заднего стекла одни, если не считать сидящего у Жарова за спиной дедушки.

– Ща ты будешь болен! – пообещал меломан и показал Диме «пику».

Жаров по натуре был добр и незлобив. Но не настолько, чтобы позволить проткнуть себя ножом. Посему отреагировал, как учили: перехват руки с одновременным ударом колена в уязвимую точку.

От удара прыщавый агрессор увернулся, но руку его Жаров поймал, выкрутил, а тут еще автобус притормозил на остановке – тинэйджер зашипел от боли, выронил пику, Жаров тут же наступил на нее ногой, а шаловливую ручонку вывернул под острым углом.

Меломан уже не шипел, а визжал, как придавленная свинья.

– Ты что делаешь! – завопила какая-то бабка, обращаясь, разумеется, к Диме, а не к любителю острых предметов.

– Спокойно, милиция! – гаркнул Дима и опрометчиво ослабил захват.

Прыщавый агрессор тут же выдернул скользкую вспотевшую руку и выпрыгнул в кстати открывшуюся дверь.

Гнаться за ним Дима не стал.

– Вот, бабуля, – сказал он укоризненно. – Из-за тебя карманник удрал!

– А? – Бабуля была смущена.

– Пакетик полиэтиленовый найдется?

– Сейчас, молодой человек! – Бабуля была рада загладить оплошность.

Дима аккуратно, за кончик лезвия, поднял нож и уронил в пакет. Вещдок, как-никак.

Он еще не знал, что упустил соучастника.

Но кто его упрекнет? Он же следак, а не опер.

Данные бабульки он записал. И молчаливого дедушки тоже. Пригодится.

– Генадьич, ты бы подбросил меня к авторынку, – попросил Онищенко.

– Ты же домой хотел?

– Надо, Генадьич. Подбрось, мне ненадолго. Хочу к колесам прицениться: может, подмognу твоему стажеру.

– Можешь не прицениваться, – сказал Логутенков. – Аккурат две твои месячные зарплаты.

– А мы подержанные, – возразил Онищенко. – Будь другом. Тут всего-то минут пятнадцать!

– Ладно, – смиловился следователь. – Поехали.

На рынке, вопреки сказанному, Онищенко к колесам прицениваться не стал, а сразу отправился на автостоянку и отыскал там стриженного под ежик здорового парня по кличке Автомат.

Автомат пил пиво из банки. Пиво стекало по его подбородку на круглый волосатый живот, бурдюком нависший над шортами.

– А... – пробормотал он, увидев Онищенко. – Очень рад. – Но круглое лицо его радости не выражало. – Пивка?

Рядом стоял переносной холодильник с початой упаковкой, обложенной дымящимся сухим льдом.

– Давай, – согласился Онищенко. – Как, Автомат, здоровье не беспокоит?

– Пока нет, – осторожно ответил тот.

– И машина у тебя бежит?

– Бежит, – еще более настороженно отозвался Автомат.

– А у моего друга из прокуратуры не бежит, – сокрушенно проговорил Онищенко. – Представляешь, оставил человек машину во дворе, а какие-то хмыри ее разули.

– Сочувствую.

– А территория-то твоя, Автомат, – заметил Онищенко. – На-ка адресок. Твоя территория, верно?

Его собеседник промолчал.

– Твоя, твоя – уверенно произнес опер. – Представляешь, Автомат, из-за каких-то долбаков, шестерок, у такого серьезного пацана, как ты, – неприятности.

– Не представляю, – здоровяк всосал банку и вскрыл следующую.

– А ты подумай, – наставительно проговорил Онищенко. – Ты ж меня знаешь, я ошибаюсь редко.

– Что-то я не въехал, гражданин начальник! – буркнул Автомат. – Это мне что, прокурору колеса дарить?!

– Ну ты нас совсем не уважаешь, Автомат! – укорил Онищенко. – Разве прокурор от криминального элемента подарок принять может? Ты подумай, Автомат, подумай. Ночи, правда, нынче короткие, но проворный человек многое может успеть. Там, кстати, и номерок машины указан, если ты обратил внимание. Ну, будь здоров! – Онищенко похлопал по волосатому животу и вразвалочку отправился со стоянки. У него был хороший слух, но напутствия Автомата он не услышал. Потому что произнесено оно было очень-очень тихо.

Глава тринадцатая

«...Как правило, организации сатанистов строго конспиративны. На низовых уровнях производятся попытки объединения на основе музыкальных увлечений, в частности Black Death Metal, образования фан-клубов, ведется также агитация в сектах языческого направления, среди так называемых игровиков, в группах, изучающих оккультизм. Следует отметить, что, несмотря на отсутствие активного прозелитизма, характерного для тоталитарных культов типа „Свидетелей Иеговы“, западными идеологами сатанизма разработана „рекламная“ идеология, крайне привлекательная для подростков и особенно для лиц с определенными психическими нарушениями. Очень часто сами лидеры групп страдают психическими заболеваниями и активно практикуют различные сексуальные извращения. Учитывая иерархическую структуру сатанистских обществ по принципу территориальных ячеек, в которых культивируется беспрекословное подчинение лидерам, практика сатанизма приводит к устойчивым патологическим отклонениям психики...»

Из докладной записки первого заместителя председателя Специальной комиссии С. В. Суржина.

Юра медитировал. Сосредоточив внимание внизу живота, он очень медленно и очень плавно перемещался из стойки в стойку на узеньком пятчке между диваном и столом. Дыхание его было свободным, а движения – непрерывными. Глаза Юры были закрыты: он старался чувствовать окружающее. Дома у него получалось. В других местах – хуже. В лесу, например, он то и дело натыкался на деревья. С живыми людьми – легче. Правда, от живых людей исходило тепло. Они пахли и дышали. Сэнсэй говорил: «Слушайте. Не только ушами. Подошвами, лицом, кожей. Всем телом. Дуновение обгоняет бьющую руку, сотрясение почвы обгоняет подкрадывающегося врага. На затылке нет глаз, но есть шея, волосы. Всякое уязвимое место „чувствует“ опасность».

«Особенно жопа, – тихонько сказал тогда Федька, но сэнсэй, конечно, услышал.

«Верно, Кузякин, – сказал он. – Сто раз на кулаках».

Юра медленно перенес тяжесть на левую ногу, а правую оторвал от пола, одновременно «вынеся» вперед открытые ладони, остановил их в сантиметре от экрана монитора и начал плавный поворот вправо.

Этот комплекс сэнсэй показал не группе, а лично Матвееву. После того, как Юра у него на глазах отстоял двадцать четыре минуты в стойке дзен. И ноги у него не дрожали.

– Только не вздумай использовать эти стойки в кумитэ! – предупредил сэнсэй. – По татами размажут! Они – не для боя.

– А для чего? – спросил Юра, уже угадывая ответ.

– Для постижения внутренней силы. Читал небось о ней?

– Читал.

– И что вычитал?

– Овладевший силой Чи всегда побеждает!

– Неверно, – усмехнулся сэнсэй, подергал себя за ус. – Сила Чи не делает воина победителем. Она делает его непобедимым.

– Меня и это устраивает! – Юра тоже улыбнулся. – Еще я читал: для овладения ею нужно двадцать лет тренировок.

– Вся жизнь, – сказал сэнсэй. – Или один день. Если ты готов. Но ты не готов.

– Откуда вы знаете? – Юра улыбнулся еще шире. У Матвеева была на редкость располагающая улыбка, и он это знал.

– Ну так у тебя же ее нет, силы этой, верно? – Михалыч тоже усмехнулся.

– А я читал, что в наше время все приходит быстрее, – сказал Юра. – Темп жизни вырос.

– На нашем Пути – нет! – отрезал сэнсэй.

– А у других?

– Другие тебя, хлопче, не касаются.

Но Юре очень хотелось – быстрее. Тянуться, шлифовать технику, нарабатывать боевой опыт – конечно, здорово. Но все это – шелуха. Двадцать лет добираться до сердцевины? Извините!

Да, Юра Матвеев знал, что существует быстрый путь. И путь этот называется – магия. Но Юра был не настолько глуп, чтобы изучать его по книжкам. Это все равно, что овладение каратэ по мультику «ниндзя-черепашки». Нужен наставник. Только где его найти, настоящего мага?

Дима Жаров удивился. Он даже головой помотал, отгоняя видение: может, пригрезилось с недосыпу? Вчера полночи с приятелем по сети в «квейк» бились... Видение не исчезло. Машина его стояла на прежнем месте, но не на кирпичках, а на родных четырех колесах! Дима обошел «шестерку» кругом: интересно! Зрительная память у Димы – как у видеокамеры. Три колеса – его, а четвертое – нет. Но резина на нем совершенно новая. Дима попинал его, потом, так и не найдя подходящего объяснения, сел за руль и поехал на заправку. Там он полностью спустил все четыре камеры, а затем накачал снова. На всякий случай. Где-то он читал, что можно заменить воздух в камерах водородом, и тогда тачка рванет со страшной силой. Впрочем, Дима не очень-то верил, что игра с колесами затеяна, чтобы взорвать его, Диму Жарова. Не такая он крупная птица.

Однако, приехав в прокуратуру, он поделился сомнениями с начальником.

– Расслабься, – сказал Логутенков и усмехнулся, вспомнив вчерашний визит Онищенко на авторынок. – Все в порядке.

– В порядке?

– Увидишь Пашу – скажи ему спасибо.

– В смысле?

– В том самом. Чего глаза красные? Водку пил?

– Нет, – Дима помотал головой. – Не выспался.

Покинув начальника, Дима составил сопроводилку и отправил отобранный вчера ножик на дактилоскопическую экспертизу. На всякий случай.

Онищенко проявился через час. Как всегда, с новостями.

– У Светланы Куролестовой имелся дружок, некто Станислав Плятковский, – сообщил опер. – Ни в чем предосудительном не замечен, как сказал участковый. Если не считать того, что закосил весенний призыв. Родители его прикрывают, говорят: не пропал, просто приходит и уходит, когда захочет. Им не докладывает. И вздыхают так скорбно: современная, мол, молодежь. Отрыжка дерьмократии.

– А что за семья? – спросил Логутенков.

– Обычная, – Онищенко пожал плечами. – Отец – водитель троллейбуса, мать – повар в кондитерской. У мужа есть дочь от первого брака, но у матери сын – единственный. Понятно, не хочется ей, чтобы парня куда-нибудь в Чечню заслали. Сами, кстати, жириновцы.

– Это к делу не относится, – молвил Логутенков, – а уклониста надо бы тебе, Паша, поискать. Света Куролестова у нас – самая крепкая ниточка.

– Если жива, – уточнил Онищенко.

– Ну, дружок ее, скорее всего, живой. Это он ее в сатанисты сагитировал?

– Он.

– Надо найти. Давай, Паша, оперативным путем попробуй поработать. С «барабанами».

– С «барабанами» – трудно, – вздохнул опер. – Это же другой контингент. Наблюдение бы за квартирой организовать, а, Генадьич? Попросим?

– Попросить-то мы можем, да только пошлют нас, Паша. Кто он, этот Плятковский? Так, косвенный свидетель. Может, кто из соседей поможет? Участкового попроси. Подумай сам, Паша. Я в тебя верю!

– Вера – это хорошо, – опять вздохнул Онищенко.

– И вот что еще, – произнес Логутенков. – Ты бы пробил по своим каналам этого продюсера.

– Мучникова?

– Его, болезного. Где, кем состоит, по связям, компромат поищи, финансы-кредиты... В общем, не мне тебя учить.

– Сделаем, – кивнул Онищенко, уже прикидывая, у кого есть нужные базы. – Это проще. Генадьич, ты как, очень занят? Надо бы на квартиру Суржина съездить, осмотр провести...

– Поехали! – решительно сказал следователь.

– Ты вляпался, – сказал Дефер.

Чтобы признать в нем Жреца, сатаниста, посвященного в Настоящие Таинства, принесшего Господину не одну совершенную дюжину жизней, нужно было обладать изрядным воображением. Толстяк в черной майке и таких же черных шортах. Светлый ежик на круглой голове, серебряная цепь на шее, на цепи массивный крест из старинного темного серебра. На тугих щеках – жизнерадостный румянец любителя пива. Если не приглядываться, типичный образчик новоруса. С поправкой на цвет металла. А даже если и приглядеться... Серебро вместо золота, ну и что? Ну, крест не совсем обычный, замкнутый окружностью... Мало ли какие у богатых прикамбасы? Слыхали анекдот о том, как банкир крест заказывал в Париже? У лучшего ювелира. «Во-от такой! Короче, шоб триста грамм чистого золота! И во-от такие брюлики!» Сделали, показали. Заказчик взвесил, одобрил: нормально. «Токо ты, это, гимнаста убери! На хера мне гимнаст?»

В общем, кружок и кружок. И буквы на нем нерусские. Так и на распятии они тоже не русские, а греческие. Мало кому известно, что металлический круг – знак отрицания. Например, любимый значок хиппи, общеизвестный «пацифик»: «самолетик» в окружности. Символ мира. А без круга превращается в известную каждому сатанисту руну смерти.

– Ты вляпался, – сказал Жрец Николаю. – Порядок помнишь? Попал – сотрись!

Николай поблел:

– Дефер! – проговорил он неуверенно. – Но это же для быдла...

– Велю – станешь быдлом! – жестко произнес Жрец.

К скамейке подкатился разноцветный мячик, а следом за ним – малыш лет двух. Дефер поднял мячик и подбросил его вверх. Ребенок засмеялся и побежал обратно.

– Некрещеный, – сказал жрец. – И жирненький.

И улыбнулся матери малыша, поймавшей мяч. Женщина наклонилась, подала ребенку мячик. Николай уставился на ее загорелые ляжки.

– Хочешь опять стать быдлом, Коля? – участливо спросил Дефер.

Николай вмиг забыл о женщине. Во рту как-то сразу пересохло.

Жрец не должен был звать его по имени. Что это? Знак расположения? Или – желание унизить?

– Ты попал, Коля, – тем же заботливым тоном проговорил жрец. – Сам попал и брата нашего подвел. Его уже милиция дергала. Это, Коля, большой проступок.

– Я исправлю, – пробормотал тот, уже чувствуя животом жертвенный нож.

Дефер прав: Сворда Николай подвел. И не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять: Круг сотрет шестерых таких, как Николай, чтобы обелить Сворда.

– Собственно, тебя уже давно бы вычеркнули, Коля, – сказал Жрец. – Если бы не одна деталь... – тут он сделал паузу, чтобы прикурить. Николай ждал, не смея даже дышать. – Да, – продолжал Дефер. – Одна небольшая деталь. Ты оказал услугу Господину. И всем нам.

– Да,– хрипло пробормотал Николай.– Я убил его, как положено...

– Глупости! – Молодой ротвейлер подбежал к скамейке, ткнулся толстяку в колени мокрой мордой. Дефер почесал псу лоб. Животные и дети сами тянулись к Жрецу. Так проявлялась дарованная Господином Сила. А Господин – не христианский боженька. Он ничего не дает за так.– Ерунда! Тебе повезло не в том, как ты убил, а в том – кого! Ты убил не просто дурня с пистолетом... Где он, кстати?

– Пистолет? Я его выкинул.

– Правильно. Так вот, Коленька: тебе очень повезло. Ты убил Врага!

Теплая волна омыла Николая. Он расправил плечи, улыбнулся...

Но Жрец тут же вернул его из Преисподней на землю:

– Везение, Коля, не искупает глупости. Но ее искупает дело. Ты должен избавиться от всех свидетелей! В первую очередь – от девки! Ее уже ищут.

– Я сделаю,– пообещал Николай.– А о девке вы не беспокойтесь: я ее упрятал как следует. И на колесах она, ничего не соображает. Скоро праздник, тогда я с ней и разберусь.

– Вот-вот,– кивнул благосклонно Дефер, и Николай рискнул попросить:

– А можно, я пару парней оставлю? Они тоже повязаны кровью, не заложат.

– Заложить может любой,– наставительно произнес Жрец.– Хочешь – оставь. Тебе отвечать.

Толстяк встал и, шаркая шлепанцами, пошел из скверика. К своему «мерсу». Подвезти Николая он не предложил.

«Светку жаль терять,– подумал Николай.– Красивая баба».

Его необычайно огорчало, что Власть действует почему-то только на тех женщин, которые Николаю безразличны. Обидно. У Дефера наверняка по-другому. Но до Жреца Николаю еще служить и служить. Он вздохнул, ширкнул взглядом: уехал «мерс»? – подобрал Деферов окурок (мало ли, пригодится) и побрел к автобусной остановке. До черного «мерина» ему тоже еще служить и служить...

Глава четырнадцатая

Слава ждал лидера на скамеечке в Катькином саду. Фланирующие педерасты поглядывали на адепта сатаны с любопытством. Перстень со специфической символикой и повернутый крест на цепочке голубых не отпугивали. Дьявол к их сексуальным пристрастиям относится с полным одобрением. Намекающих взглядов педрил Слава Плятковский не ощущал. А ощущал он свою сопричастность к тайне. Никто из тысяч людей, наполнивших полуденный Невский, понятия не имел о том, кто он и кого представляет. Ни нахальные стриженные качки, ни мрачные менты в казенных ботинках, ни ногастые бляды у блискучих иномарок... Никто ни хрена не догадывается, не чует исходящий от Славы запах Смерти! Слава Сатане!

После того четверга Плятковский понял: он избран. Он приобщен. К высшему. К Смерти. Дьявол говорил с ним. Пришел к Славе, когда он, один (Николай приказал: возвращаться по одному, а не скопом – так безопаснее) ехал в полутемной электричке. Последний поезд раскачивался и прыгал, как салазки на «русских горках». А может, и не поезд мотало, а бултыхались в мозгах проглоченные черные снадобья.

Дьявол сел на скамью за спиной, положил морду на плечо Славы. Морда была теплая. И дыхание у дьявола было теплое и пахло не серой, а женщиной.

Дьявол что-то шептал на непонятном языке, и Слава повторял. Он не понимал смысла, но ему нравилось повторять за дьяволом, и повторял он громко, так что редкие пассажиры оглядывались на него. Но Славе было насрать.

А потом подошел какой-то мужик, сел напротив, погнал какую-то туфту, и дьявол в первый раз заговорил по-русски.

«Дай ему по яйцам! – взревел дьявол. – Врежь ему так, чтоб он сдох!»

И Слава врезал. Но вагон мотало, и Слава промахнулся. По колену попал. Мужик заорал, вскочил, и Слава пнул его снова – и опять попал по ноге. Промахнулся. Но мужик отлетел по проходу и упал, а Слава хотел встать, пойти за ним и убить, но вагон трясся, как ненормальный, и Слава не смог подняться со скамьи. И дьявол, разочарованный, ушел. Но Слава знал: он придет опять. Потому что Слава теперь приобщился к Смерти.

Собственно, сам Слава не убивал. Хотя и не обдристался, как это случилось с половиной «братьев по духу». Это потом они раздухарились, пинали лежачего. Только завалил его лично он, Слава. Николай потом его хвалил, а всех прочих, кроме Кошатника, материл и грозился из Круга выкинуть. И эта шелупонь, по ряшкам видно, охотно бы отвалила, да очко слабое. Николай прямо заявил: выход из Круга только один: частями, на помойку – бродячим собакам на радость. И никто не усомнился. Видели же, как Николай с Кошатником второго мужика, того, что с пистолетом, разделали. Как кабана на бойне. Кровищи – море. Ну, Слава-то крови не испугался, но подача ему не понравилась. И то, что Кошатник, глιστα кривоногая, над трупами изгалялся, – тоже не понравилось. Кошатника Слава щелчком свалит, но тот – та еще подлюка. Ширнет пикой в спину – никакое каратэ не поможет. Но Кошатник – плесень. Ничуть не лучше остальных. И так и останется недомерком-сadyгой с кривыми зубами и ножичком, воткнутом исподтишка. А Слава уйдет дальше. Во Тьму. В тень демонических крыльев. В круг высших иерархов. Николай уже намекнул ему, даже не намекнул, а прямо сказал: готовься приобщиться к мистериям.

Только одно немного подгаживало настроение: Светка. Совсем крышей тронулась. Ну и хрен с ней. Зато Матвеев, можно сказать, уже в круге. Николай просто кипятком писал, когда Слава их познакомил. То есть наружно-то лидер сатанистов держался с достоинством. Но Юрка его зацепил. Еще бы! Это не шелупонь пэтэушная. Еще и Федьку можно будет подтянуть: где Матвеев, там и Кузякин. А там еще... Вот это будет Круг! Сила!

– О чем задумался? – Николай опустил на скамейку.

– О будущем, – сказал Слава, шлепнув ладонью по ладони лидера. – Здорово.

– Что новенького?

– Предки говорят: ко мне ментяра приходил, – вспомнил Слава.

– Зачем?

– Хрен знает. Может, из-за армии? Я ж тебе говорил, что кошу... А, еще про Светку спрашивал. Мать сказала: дружим. Ну это обычно: хочет через нее меня найти...

– А не наоборот? – перебил Николай.

– Что наоборот?

– Может, не тебя, а ее ищут? – жестко спросил лидер.

– Да кому она нужна? – отмахнулся Плятковский. – Мать от них ушла, а папаша... Ну папаша точно искать не будет! – Слава хмыкнул. – Это военкомат, бля, шустрит. Недобор у них по жизни. – Плятковский помрачнел.

– Ладно. – Николай хлопнул его по плечу. – Расслабься. С военкоматом мы тебе поможем.

– Серьезно? – обрадовался Слава.

– Абсолютно. Только ты дома зря не светись, понял? Если забреют, считай, поезд ушел. Ну, и где твой друг?

– Так рано еще, – возразил Слава. – Мы ж на полпервого договорились, а сейчас только четверть.

– Тогда ладно, – кивнул Николай, достал кошелек, вынул пару червонцев и протянул Славе. – Сбегай пивка купи. Жарко.

– Вот, – показал Онищенко. – Обойма к пистолету Макарова. Полная. Все видели? Свидетели, подобранные со скамейки перед подъездом старушки, дружно кивнули.

– Значит, записываем: в сейфе обнаружена обойма к пистолету Макарова.

Сам пистолет в квартире обнаружен не был. Не было ни служебных документов, ни иных предметов, представляющих интерес для следствия.

– Ознакомились? Так, «протокол прочитан вслух, замечаний и дополнений от понятых не поступило». Нет замечаний? Тогда, граждане, распишитесь вот здесь. Большое спасибо!

Если говорить всерьез, осмотр квартиры ничего не дал. Но Онищенко и не рассчитывал найти тут что-либо важное. И Логутенков, сопровождавший опера, так сказать, по личной инициативе, тоже серьезного ничего не ждал. Поскольку знал, что никаких документов Степа дома не держал. На работе тоже. На дисках служебного и домашнего компьютеров – только вспомогательные программы. Если и есть какие-то документы, то исключительно – для прикрытия. Всю информацию Суржин хранил на некоем сервере за границей. В одной из стран ЕЭС. В какой именно, он Логутенкову не сообщал. Для бумажных документов и прочего, что невозможно загнать в компьютер, у Суржина тоже существовало хранилище, но о нем Логутенкову и вовсе ничего не было известно: в последнее время Суржин был почти маниакально осторожен во всем, что касалось его работы.

И все же Степа Суржин пропал. Скорее всего, его уже нет в живых...

Да, отсутствие боевого оружия – важный факт в рапорте. Но скорее для закона, чем для следствия. Не будь депутата-заявителя... Дела о пропаже обычных граждан милиция, как правило, всерьез не принимает. Ну, загулял мужик. Деньги кончатся – найдется. Даже показания свидетелей о том, что загулявшего час назад силой запихнули в джип, далеко не всегда меняли положение. Может, пацаны шутят? В общем, чтобы просто подать заявление (то есть пройти через кордоны заваленных работой и не жаждущих ее прибавления сотрудников милиции) да еще добиться его регистрации в нужном журнале, от заявителя требовалось недюжинное упорство. Если бы не вмешательство Логутенкова и Онищенко, то исчезновение Куролестова-папы, Куролестовой-дочери и Суржина, о пропаже которого вообще

некому было заявлять, никого бы в органах не заинтересовало. Но оружие пропавшее – это серьезно, это не какой-то там человек.

– Вот что, – сказал Логутенков. – Составляй, Паша, рапорт. Пора передавать в прокуратуру на возбуждение.

– Себе возьмешь? – спросил Онищенко.

– Себе, конечно. Договорюсь с зампрокурора, чтоб мне расписали. «Убойный» подключим. Для оперативного сопровождения. В общем, обычным порядком. Недели две пусть поработают ударно, по горячим следам. Но и ты продолжай работать. Убойщик – убойщиком, а я на тебя рассчитываю, Паша. И в ОПД по «убою» ты все равно свое розыскное дело будешь передавать. Тем более... сам ты в «убойном» сколько отпахал?

– Шесть лет. Да не бойся ты, Генадьич! – Онищенко усмехнулся. – Я это дело не брошу. Уже зацепило. Опять-таки, розыск Куролестовых на мне. А там вроде в цвет все идет...

– Куролестова, – поправил важняк.

– Куролестовых! Бабулька на дочку тоже заявление подала. Так что не бойся, Генадьич, мне это дело целиком в «убойный» не спихнуть, – Онищенко усмехнулся. – Папашу я, конечно, к Суржину пристегну, а с дочкой ты меня в два счета завернешь, так?

– Заверну! – Логутенков засмеялся. – Даже и не надейся. Вам, розысникам, только бы дело спихнуть!

– Такая жизнь, Генадьич!

– Да я понимаю. Ну что, по пивку?

– Можно. Только...

– Что?

– Ты извини, Генадьич, с рапортом я еще денек другой повременю, надо кое-что установить.

– Сатанисты бывают разные, – сказал Николай.

Они сидели втроем – Юра, Слава и сам хозяин – в скудно обставленной комнате с тяжелыми черными шторами на окнах. В узкую щель между ними пробивался бледный дневной свет – окна выходили в колодец.

– Разные... – повторил хозяин. – Бывают такие, что главное – это понты, а не служение. Бывают такие... Без настоящего понимания, лишь бы быдла, ну, народу, побольше. Вот, к примеру, русская церковь Сатаны...

– А вы – не русские? – спросил Матвеев.

– А нам по фигу, – безмятежно ответил Николай. – И это правильно. Сам прикинь: Христос, он кто? Еврей. А поклоняется ему кто? Русская православная церковь.

– Вообще-то поклоняются Сыну Божьему, – уточнил Юра. К ним в школу в прошлом году несколько раз наведывался священник.

– Это они так думают! – вмешался Слава. – А мы...

– А мы против христиан ничего не имеем! – перебил Николай. – Жалкие обманутые люди. Если человек не хочет быть овцой – он приходит к нам. Сатане не нужна баранина, Сатане нужны гордые, умные и сильные. Достойные приобщиться оккультных тайн.

– Николай, а ты случайно в семинарии не учился? – спросил озаренный внезапной догадкой Юра.

– Был грех, – подмигнул Николай. – Зато теперь я без грехов. Для Сатаны главное – ты сам, а не то, что подумают о тебе людишки. Мы – волки. Они – овцы. Мы их едим, но им, конечно, это не нравится. Поэтому они пишут свои овечьи законы, но для волков они не обязательны.

– Я читал вашу брошюрку, – сказал Матвеев. – Идеология меня, в общем, устраивает, хотя делать людям гадости никакого желания нет.

– У тебя что, врагов нет? – спросил Николай.

– Со своими врагами я разберусь сам.

– Брат! – радостно воскликнул Николай. – О том и речь! Слова настоящего сатаниста! Тогда с чем ты не согласен? Неужели, идя по улице, ты не думаешь о том, что людишек расплодилось слишком много?

– Я бы сформулировал иначе.

– Да как ни формулируй! Стадо расплодилось, и волки должны его проредить. Для пользы самого стада. Служить Сатане – это высшая честь!

– Честно говоря, – сказал Матвеев, – ты уж не обижайся, но сатана мне – по фигу.

Слава хрюкнул.

– Хм-м... – Николай был слегка озадачен такой прямоотой. – А что ты понимаешь под словом «сатана»?

– Да ладно! – махнул рукой Юра. – Я же кино смотрю. «Ребенок Розмари», к примеру. Или там «Омен».

– Юра! – укоризненно произнес Николай. – Сатана для быдла, это не есть Сатана посвященных. Хотя в «Ребенке Розмари» Господина сам великий Ла Вэй играл, но все равно. Сатана – это сила мира. Вся мощь, вся магия исходит от него. Все то, чем хвастаются экстрасенсы. Настоящий посвященный сатанист подобен демону. Он может все. И он повелевает миром, поскольку именно сила повелевает миром. Правда... – Николай сделал многозначительную паузу. – Истинный демон не кричит об этом на улице или в телевизоре. Ты удивился бы, Юра, если бы узнал, сколько нас среди власть имущих. Мы – одиночки. Каждый сатанист заботится в первую очередь о себе. А это значит – верно служит Господину, который даст ему все. Это мир Сатаны. И он дает его сильным. Он даже Христу его предлагал, если ты помнишь. Но бог христиан отказался. Струсил. Поэтому христиане – это стадо баранов, которых гонят на бойню. А ведет их козел, который отправит их под нож, а сам... – Николай замолчал, обнаружив, что его собеседник почти не слушает, а разглядывает страшные картинки на стенах.

– Ты знаешь, чего хочешь, – сказал Николай.

– Знаю, – подтвердил Юра. – Я хочу обрести внутреннюю силу. Славка сказал: ты можешь научить.

– Могу, – согласился Николай. – Но я сатанист и не занимаюсь благотворительностью. За все надо платить, Юра!

– Сколько?

– Много! – Николай устремил на него пронизывающий взгляд, но смутить Матвеева было трудно. Да он и не искал халювы.

– О'кей, – кивнул Юра. – Но это слова, Коля. А мне нужны доказательства.

– Какие? – Суженные черные глаза сверлили Матвеева.

– Доказательства твоей собственной силы.

Николай поднялся.

– Пошли, – бросил он.

На улице Слава придержал Матвеева:

– Давай постоим здесь, Николай сам все сделает.

Лидер между тем прошелся по улице туда – обратно. Народу в это время на Салтыкова-Щедрина было не так уж много, а Николай явно высматривал что-то конкретное. Наконец высмотрел. Две девчушки лет по четырнадцати-пятнадцати. Низенькие, коренастые, густо накрашенные, похожие, как близняшки. Николай тормознул их, зацепил разговором. Девчушки похихикали и через несколько минут следом за Николаем вошли в подъезд.

– Что теперь? – спросил Юра.

– Теперь ждем десять минут.

Через десять минут они поднялись к квартире Николая. Дверь была открыта, но когда они вошли, Слава не только тщательно запер все замки, но еще и задвинул засов.

– Идите сюда! – позвал Николай из дальней комнаты, той, где Юра еще не был.

Девчушки стояли столбиками на черном линолеуме. Стена за ними была украшена перевернутым распятием. На полу под распятием стояли четыре черные толстые свечи. Остальные стены были расписаны магическими знаками и увешаны холодным оружием: ножи разных форм, плети, два топора и длинный меч с пятиугольной гардой.

Слава уселся на пол. На роже – предвкушение удовольствия.

Заинтересовавшийся Юра снял меч. Явный самопал, и баланс отвратительный. Но заточен остро. Матвеев вернул меч на стену, поглядел на Николая вопросительно.

– Власть, – сказал Николай, – приятна, когда ею пользуешься. Девчонки, раздевайтесь.

С тем же тупым выражением на лицах девушки скинули с себя немногочисленную одежду. В одежде они выглядели лучше.

Николай вручил одной из них четырехгранный кнут.

– Ударь ее!

Девчушка неумело хлестнула подругу. На животе подруги осталась красная полоса, но лицо сохранило бессмысленное выражение. Боли она не ощутила.

– Сделают все, что прикажешь, – сказал Николай. – Хочешь отодрать?

– Коля, – брезгливо произнес Матвеев, – я не стал бы с ними трахаться даже за деньги.

– Хочешь, чтобы они визжали? – Николай подмигнул. – Врежь ей!

– У меня дома есть макивара, – Юра чувствовал себя оскорбленным. Он же ясно дал понять: его интересует внутренняя сила, а не всякое фуфло.

– Они сделают все, что ты пожелаешь! Ты только попробуй! – Николаю очень нужно было зацепить этого парня.

– Да я вообще от них ничего не хочу! – с досадой буркнул Юра, и лидер сатанистов понял: настаивать больше нельзя.

– Выйдем, – сказал он. – Слава, займись этими.

– Я знаю, чего ты хочешь, – произнес сатанист уже в коридоре. – Это была просто демонстрация. Чтобы ты понял: я не лапшу на уши вешаю.

– Я понял, – проворчал Матвеев.

– Не уверен. – Николай улыбнулся. – У каждого – свой уровень. У тебя, у меня... И у Славика. Ясен намек?

– Допустим.

– Надеюсь, я тебя не разочаровал? – с искренним участием спросил Николай.

– Пока нет, – сдержанно ответил Юра.

Демонстрация прозомбированных малолеток доказывала, что его собеседник умеет не только языком трепать.

– Отлично.

В просторном коридоре стоял секретер, набитый оккультной литературой. Николай выдвинул ящик, достал из прозрачной папки разноцветный листок.

– Наша анкета, – сказал он. – Не сочти за труд, заполни на досуге. И приходи завтра. Найдешь?

– Найду.

– Тогда до встречи. Рад с тобой пообщаться. На нашем пути у тебя, я думаю, большие перспективы. Но поработать придется.

Выйдя на площадку, Юра услышал, как щелкают замки и с лязгом вдвигается в петлю засов. К защите от посторонних сатанист Николай относился со всей серьезностью.

К сожалению, Юра не видел, что сделал хозяин квартиры, когда запер дверь. А сделал он следующее: отключил видеокамеру, объектив которой равнодушно фиксировал происхо-

дящее в комнате с черным полом. Потому что фиксировал он совсем не того, кого нужно. Видеоматериалов на Славу Плятковского у лидера сатанистов уже набралось более чем достаточно. Иное дело этот перспективный новичок. Оттрахай он глупых малолеток – и вмиг оказался бы на криминальном крючке. Но кто мог знать, что паренек окажется таким чистоплюем? Ну ничего. Главное – наживка проглочена. Николай не сомневался, что Юра еще появится здесь. Такой материал, черт возьми! Минимум на две тысячи пойнтов, если удастся довести до второго уровня...

От Николая Матвеев отправился к Даше. С тех пор как Альбина купила новую квартиру, маршрут существенно удлинился. В метро было прохладно и многолюдно. Матвеев, чтобы не терять времени, достал учебник, но математика в голову не шла. На «Владимирской» он пересел на другую линию.

– Матвеев! Юрка!

Ба! Целая кодла его бывших одноклассников! Куча рюкзаков, запах дыма и леса – на полвагона.

– Вы откуда? – поинтересовался Юра.

– Из леса!

– А куда?

– Водку пить! Ты – с нами?

Юра помотал головой:

– Не могу!

– А зр-ря!

Вывалились всей толпой на «Александра Невского».

– Ты, Матвеев, не теряйся, понял!

Юре стало грустно. Два года назад он перевелся в другую школу, физико-математическую, но дружбы особой там так и не завел. Нет, ребята нормальные. Просто, ну, у каждого свои проблемы. С новыми не скорешился, а старых вроде потерял.

Глава пятнадцатая

Справка: «В ходе проверки оперативной информации установлено следующее: гражданин Шулимов действительно совершил изнасилование и убийство девочки (возраст 10-12 лет, личность по останкам установить не удалось). Расчленив труп с помощью своей сожительницы Криниченко, Шулимов частично употребил его в пищу, частично продал через продавца Кузнечного рынка Назарбеева. Шулимов неоднократно заявлял о своей приверженности сатане, который обещал Шулимову, что тот обретет власть над миром после того, как съест тринадцатую человеческую печень.

Шулимов состоит на учете в районном психоневрологическом диспансере, т. к. полгода назад выписан из психиатрической клиники, куда был переведен два года назад из спецлечебницы. В 1992 году Шулимов был обвинен в убийстве своей жены Шулимовой И. И. и восьми девочек в возрасте от семи до тринадцати лет, тела которых он также частично продал, частично употребил в пищу. По результатам экспертизы психического состояния Шулимов был от уголовной ответственности освобожден и направлен на лечение в спецлечебницу, а оттуда – в клинику, что является обычной практикой в отношении убийц-каннибалов. Из психиатрической клиники Шулимов был выписан на диспансерное наблюдение и опять вселился в квартиру своей покойной жены, где был прописан. Соседями было подано ходатайство о выселении каннибала (185 подписей). Ходатайство отклонено. Согласно действующему законодательству жилая площадь сохраняется за психически больным в течение всего периода лечения.

Материалы по Шулимову переданы сотрудникам МВД. По данному факту прокуратурой возбуждено уголовное дело за №... Шулимов заключен под стражу. Следователем, в производстве которого находится уголовное дело, дано направление на производство психиатрической экспертизы подследственного. До настоящего времени заключение экспертизы в материалах дела отсутствует.

В рамках операции „Черная сеть“ мною был проведен анализ шестидесяти трех уголовных дел, находившихся в производстве МВД, возбужденных по материалам убийств, совершенных каннибалами, заявлявшими о своей связи с сатаной. Только один из убийц был осужден. Экспертизу проводил профессор ВМА Чижов. Остальные либо находятся на лечении, либо выпущены на свободу. Из сорока девяти отпущенных тридцать два были возвращены на долечивание в связи с „рецидивом болезни“ (повторное убийство и каннибализм). Одиннадцать убийц возвращаются „на долечивание“ уже второй раз, а два – третий.

По мнению упомянутого выше профессора Чижова, сам по себе каннибализм не свидетельствует о психическом заболевании. Особенно в случаях выполнения ритуала, утоления голода или в коммерческих целях.

Обращаю внимание на то, что 19 апреля сего года на Чижова было совершено нападение. Ему было нанесено тринадцать ножевых ран. Прокуратурой Центрального района было возбуждено УД по признакам состава преступления: тяжкие телесные повреждения со смертельным исходом. В настоящее время дело не рассматривается, как перспективное, следственных мероприятий по делу не проводится. Вероятно, дальнейшее производство по делу будет приостановлено за розыском неизвестных преступников.

В связи с тем, что Уголовный кодекс РФ явно не обеспечивает защиты населения от убийц-каннибалов, а также возросшую в последнее время их социальную опасность, представляющую угрозу конституционным правам граждан, предлагаю в отдельных случаях применять физическое устранение каннибалов, совершивших повторное убийство после „излечения“ и выписки. Готов лично провести ликвидацию преступников».

Из рапорта майора К.

«Миша! У шефа видел твой рапорт и полностью разделяю твои чувства. Я тоже читал документы и видел фотографии. Но добро на ликвидацию никто тебе не даст. И не вздумай самостийничать! Провал операции „Черная сеть“ – это десятки тысяч новых адептов и тысячи новых каннибалов! Статистика, Миша! И посерьезней с той, на которую ты ссылаешься. Работай, Миша! Я тобой доволен! И генерал тоже. Хотя по рапорту твоему рвал и метал. Кричал, что ему не хватает по ТВ увидеть каннибала в обнимку с известным тебе ведущим, голосящими, что мы опять ущемляем их каннибальские права. Не глупи, Миша! Вместо эмоций сосредоточься на милицейских материалах. Ищи, Миша! Где-то должны быть трупы, а, значит, и конкретные привязки. Ты этот момент прохлопал. И вообще... Чтоб больше ни одного документа через мою голову, понял?»

Из разговора по закрытой связи.

О Славе Плятковском участковый отзывался негативно. Во-первых, военкомат задолбал, во-вторых, еще до военкомата, затрахала жалобами старуха-соседка. Музыка, мол, у Плятковских орет, жить ей мешает. А что тут поделаешь? Родители говорят: пусть лучше музыку дома слушает, чем портвейн в подвале пьет. Вон, говорят, у соседки тоже собачка твякает, как оглашенная. Что ж ее, усыпить?

Онищенко участковому посочувствовал. И попросил адресок бабки-склочницы.

Через пятнадцать минут он уже сидел на белой табуретке, попивал чаек и вел светскую беседу с обиженной старушкой.

– А о мальчике соседском, Глафира Захаровна, что можете сказать? – вежливо осведомился Онищенко. – Хороший мальчик?

– Мальчик! – старуха фыркнула. – Охламон! Не здороваается никогда! Я его матери говорю, а она: такое поколение, Глафира Захаровна. А музыка эта, прости Господи! Орет так, что у бедненькой Фишеньки, – жирная моська, услышав свое имя, твякнула, – лапки дрожать начинают. Я уж и заявление писала, и к депутату ходила... – Старуха трубно высморкалась. – А почему вы спрашиваете? Доигрался обормот, да?

– Да, – кивнул Онищенко. – Только, Глафира Захаровна, вы уж никому, понимаете? Совсем никому, даже близким подругам.

Старуха кивнула. Онищенко знал: близких подруг у нее не было: уж больно характер склочный.

– У меня к вам просьба, – сказал он. – Когда парень появится, сразу звоните мне, вот рабочий, вот это домашний.

– Вы его арестуете? – с надеждой спросила старуха.

– Позже, – Онищенко понизил голос. – Мы имеем дело с преступной группировкой.

– Ох батюшки! – шепотом изумилась старуха. – Ну, я говорила его матери...

Еще с полчаса Онищенко слушал бабкины откровения и не без удовольствия поглощал чай с черничным вареньем. Затем откла-нялся.

В старухе он был уверен. Глаз не сомкнет, а Плятковского выследит. Позиция у нее – идеальная. Второй этаж, подходы к подъезду – как на ладони. Да и звук сквозь панельные стены проходит почти без помех. Особенно если приложить чашку с отбитым доньшком, а чашка такая у Глафиры Захаровны имелаась.

«Надо поставить участковому пузырь, – решил Онищенко. – Козырный кадр!»

– Вот! – с довольной улыбкой Дима положил перед Логутенковым результаты экспертизы.

– Погоди! – Игорь Геннадиевич с силой потер виски.

Только что он допрашивал крайне неприятную особу, причем проблема заключалась в том, что от показаний этой особы зависело, присядет ли компания насильников лет на восемь-десять или отделается незначительным наказанием за хулиганство.

– Это – по Суржину, – настаивал Дима.

Логутенков подвинул к себе бумагу. Из акта явствовало, что по результатам дактило-скопической экспертизы можно с уверенностью утверждать, что отпечатки пальцев на ноже (дело номер такой-то) идентичны отпечаткам на вещдоке за номером... по делу...

– Погоди, – Логутенков нахмурился. – Что еще за нож? Я помню это дело. Нет там никакого ножа! Он же потомственный карманник. Третья ходка. Причем тут сатанисты?

– Игорь Генадьич! – воскликнул Дима. – Да забудьте вы про этого щипача. Я просто не хотел возиться и пристегнул к нему запрос. А ножик этот...

Он вкратце выдал историю про автобусного меломана.

Логутенков сразу оживился:

– Ты его запомнил?

– Обижаете, гражданин начальник! Нападение на сотрудника прокуратуры! Два свидетеля...

– Нападение? – Логутенков прищурился. – Не смеши меня. Он что сделал? Ножик тебе показал. Законом не возбраняется. Скорее уж ты на него напал, друг мой!

– Что ж, дать ему себя пырнуть? – обиделся Жаров.

– Нет, конечно. Это я к тому, что мало-мальски грамотный адвокат обвинение твое разобьет к этакой матери за пару минут.

– Но у меня двое свидетелей!

– Свидетелей чего? Дедушка, который даже ножа не видел. И бабушка, которой ты напел про карманника? Остынь. Сейчас пойдешь к художнику, я ему позвоню, и, в порядке личной услуги, составишь фоторобот. Заодно и попрактикуешься, стажер. Да не огорчайся ты так! Вот если бы он тебя порезал, тогда было бы скверно, а так все хорошо. Даже очень хорошо. Молодец! – Логутенков полез в стол, достал литровую бутылку коньяку, две стопки. Набулькал. – Заслужил! – сказал он. – Давай на ход ноги...

– А хороший коньячок! – отметил Жаров после второй стопки. – Откуда, Игорь Генадьич?

– Онищенко.

– А у него откуда?

– Ему крестник принес. Недавно освободившийся.

– Крестник?

– Мокрушник. Онищенко его брал два года назад, когда еще в «убойном» работал.

– Непредумышленное?

– Заказное.

– И через два года?!

– Через полтора.

– ?!

Логутенков засмеялся:

– Наивный ты, Димка, точно как я в молодости. Ты не напрягайся! Наше дело – сажать, а там... Обидно, конечно... – Логутенков налил по третьей, хотя собирался ограничиться двумя. – Ну, за правовое государство! Ты зажуй чем-нибудь, чтоб не пахло. Онищенко «конину» эту лично мне принес. Еще обидится, что на стажера трачу! – улыбнулся Логутенков. – Можешь его, кстати, про киллера расспросить, если хочешь. Ну давай еще, на посошок...

Глава шестнадцатая

– Коля, а куда это мы плывем? – спросил Велик.

– В священное место! Ты гребь давай!

– Я руки стер! – захныкал Велик.

Тайное имя младшего служки из круга Николая было Велиазал. Подросток сам его придумал и очень им гордился, но к его обиде, все звали его Великом. Утешало, что Велик – все-таки лучше Пердушки. Пердушкой Велика окрестили в строительном колледже.

Этим утром Николай вызвонил парнишку с утра пораньше, и вместо колледжа Велик отправился за город. Сначала на электричке, потом – с резиновой лодкой на горбу, обливаясь потом и отмахиваясь от комаров, – часа два по лесу. Впереди бодро шагал Николай с поклажей раза в три полегче. Когда добрались до озера и сели в лодку, Велик вздохнул с облегчением. Но через полчаса понял, что идти было лучше.

– Приплыли, – обрадовал его Николай. – Вон островок!

Велик подогнал «резинку» к острову, разулся, соскочил в воду и вытащил ее на песок. Николай с важностью сошел на берег. Велик схватился за борт, чтобы затащить лодку повыше...

Удавка сдавила его шею. Велик захрипел, задержался, но Николай управлялся с петлей умело. Правда, на этот раз он не собирался давить до смерти. Спустя некоторое время Велик пришел в себя... Он был привязан к стволу дерева.

– Э! Колька, ты чё? – захрипел он помятым горлом.

Николай похлопал его по искусанной комарами щеке:

– Придется тебе, Велик, послужить Господину, – сказал он вполне дружелюбно, достал из рюкзака видеокамеру, закрепил напротив.

Велик въехал в происходящее и завопил. Вернее, засипел, как лопнувшая шина.

Николай не спеша разделся, затем вынул ритуальные принадлежности и перочинный нож. Перочинным ножом он срезал с Велика одежду – не дело использовать для такого ритуальный кинжал.

– Ты кричи, – посоветовал он Велику. – И тебе легче, и мне веселее.

Закончил Николай уже к вечеру. Развел костер, насадил на шампур кровоточащее сердце, расположил над углями. Пока жарилось, сволок в воду выпотрошенный труп, выполоскал, чтоб не пачкать лодку, отгреб на глубину, привязал к трупу камень и отправил рыбкам.

Вернувшись на берег, сжег в соседнем костре одежду, прибрался, уничтожая следы. Потом посолил и съел сердце, отметил: сыровато.

Переплыв озеро, лодку с собой брать не стал, спрятал в кустах: еще понадобится. Тем более идти придется быстро. Иначе не успеть на последнюю электричку.

Глава семнадцатая

Анкета была украшена орнаментом из горящих черепов, скопированных из хорошо известной Юре компьютерной игрушки. По углам ее располагались перевернутые пятиконечные звезды, с которых капала кровь. Центральная же часть ее была черной, а шрифт и просветы, которые следовало заполнить, – грязно-желтыми.

Первые вопросы были стандартными: Ф.И.О., год рождения, образование, адрес. С пометкой: «только для лидера группы».

Потом следовал пункт: Псевдоним.

Подумав немного, Юра записал: «Титан». Излишней скромностью он не страдал.

Далее следовали вопросы по темам: сексуальные и политические пристрастия; увлечения; какие книги по сатанизму анкетированный читал, а какие желает прочесть; отношение к магии; действия, совершенные анкетированным, которые, по его мнению, угодны Сатане; знание иностранных языков, компьютера; крещен ли анкетированный. Имел ли посвящение какой-либо лжерелигии. Какие из требований сатанизма для анкетированного неприемлемы.

И тому подобное.

Завершала список просьба отвечать на все вопросы, а если что-то непонятно, то просить разъяснения.

Юра, следуя пожеланию, отметил в каждом пункте. Правда, в большей части из них – лаконичным: «без комментариев».

Зато завершающая часть анкеты его очень развеселила, поскольку содержала следующий текст.

«Я, совершеннолетний и дееспособный гражданин России (Украины, Казахстана... нужное подчеркнуть), находясь в здравом уме и без всякого принуждения окончательно и бесповоротно отказываюсь от всех лжерелигий и отдаю свою духовную силу Сатане. Я заявляю: любое нарушение закона, которое я уже совершил или совершу в дальнейшем, является моим личным и частным делом и не имеет отношения к моей деятельности как адепта Сатаны и члена данной организации. Нарушение мною гражданского и уголовного законодательства является основанием для прекращения моего членства в данной организации. Я обязуюсь не иметь контактов со средствами массовой информации. Я предупрежден об ответственности за разглашение тайн организации. Я готов добровольно оказывать материальную помощь адептам организации и ее лидеру. Я обязуюсь повышать свое магическое образование, изучать литературу по сатанизму, участвовать в ритуалах. Я заявляю, что в случае возникновения у меня физического или финансового ущерба я отказываюсь от предъявления каких-либо претензий к организации и полностью несу ответственность за совершенные действия и их последствия.

В остальном же и я, и организация адептов Сатаны остаемся полностью свободными по отношению друг к другу, можем в любой момент прервать наши отношения и никаких обязательств на себя не берем».

Любой человек, если он не законченный дебил, понимал, что обязательства здесь – только у подписавшегося.

С другой стороны, это же не христианская церковь, которая по определению заботится о своих прихожанах, а прямо противоположная по задачам тусовка. Значит, так и должно быть. Не хочешь, чтобы тебя кинули, – не хлопай ушами!

Поэтому Юра вместо собственной подписи написал готическими буквами: Титан.

Николай схавает. Матвеев чувствовал: лидер сатанистов желает заполучить Юру в свою команду больше, чем Юра – в нее вступить.

– Устал? – спросил Дефер. – То-то. Служить – не прислуживать.

Николай пластом лежал на укрытом алым пледом диванчике. В горле саднило, каждая мышца мучительно ныла. Да что там мышцы!

– Тяжело, – сказал Жрец, присаживаясь рядом. Его круглый порозовевший живот наискось пересекал бледный шрам с точечками снятых швов. Еще один шрам-вмятина украшал мясистое бедро слуги Сатаны.

«От пули?» – подумал Николай.

– Доволен? – спросил Жрец.

Николай кивнул. Впервые допущенный к Таинствам Третьего Круга, он был не просто доволен, он вопил бы от радости, если бы не пылающая огнем глотка.

– Я тоже доволен, – сказал Дефер. – Смотрел твою пленку. Хорошая работа. Зачтено. Но их только двое. С остальными не тяни, понял?

Николай еще раз кивнул.

– Ладно, отдыхай, – сказал Жрец. – Меня зовут.

Приглушенные двумя дверьми вопли и хохот. Для непосвященного – бессмысленные животные звуки. Для того, кому открыта суть, – эхо величайшего таинства.

Дефер вышел, а через минуту в комнату проскользнул стриженный наголо мальчик лет семи.

– Пей, – сказал он, протягивая Николаю глиняную чашу. – Пей, господин, тебе велено.

Коротышку, у которого Жаров отнял нож, детектив агентства «Броня» опознал. Но огорчил Онищенко, сообщив, что именно этого кадра они не водили, так что ни адресом, ни анкетными данными мерзавчика порадовать он опера не может.

– Потряси других, – посоветовал присутствовавший при «опознании» Свистунов. – Наверняка подскажут адресок приятеля.

– Потряс бы, – вздохнул Онищенко, – да нету их.

Плятковский и еще двое «установленных» сатанистов как сквозь землю провалились. Ни дома, ни в училище. Причем у последних, в отличие от Плятковского, никаких формальных причин прятаться не было. Но факт налицо. Подростки даже не удосужились получить стипендию, что, по словам их одноклассников, – событие из ряда вон.

– Колян, – обратился он к своему бывшему коллеге Свистунову, – в ваше поле зрения один человек не попадал? Не проверишь по своим базам?

– Ну, старик! Что наши базы в сравнении с вашими?

– И все-таки попробуй, мало ли...

– Ладно, сделаем, – кивнул старый кореш. – Диктуй данные.

– Пиши: Мучников Николай Иванович. Проживает по адресу: Саперный, двадцать три, квартира шесть...

Глава восемнадцатая

– Дура! – презрительно бросила Джейна. – Нашла из-за чего реветь! Я тоже была беременна!

– И что? – Светка перестала плакать, с надеждой поглядела на толстуху.

– Дай колесо – скажу.

Светка вытряхнула из кулька последнюю таблетку – Джейна неотрывно смотрела за ней – и протянула на ладони. Толстуха схватила белое колесико, проглотила, жадно высосала оставшееся пиво.

– Ну, говори! – потребовала Светка.

– Погоди... – Джейна уселась на пол, прикрыла глаза. – Счас приход будет...

– Говори! – закричала Светка, вскакивая. – Ты, сука!

– Сука, – благодушно согласилась Джейна. – А хочешь, я сама тебе все сделаю? Прямо тут. Хочешь?

– Что ты сделаешь?

Джейна потянулась к ней. Липкая ладонь прижалась к внутренней стороне Светкиного бедра, пальцы полезли внутрь, втиснулись между половых губ...

– Берешь ложку... – промурлыкала Джейна. – Маленько затачиваешь по краешку, тихонечко просовываешь...

Ее пальцы елозили изнутри по Светкиному влагалищу. Из приоткрытого рта текла слюна...

Светка изо всех сил ударила Джейну по голове. Та ойкнула, покачнулась, Светка отскочила назад.

– Чего дерешься? – обиженно буркнула толстуха.

Сожранные ею таблетки притупили боль.

– А ты чего лезешь? – агрессивно бросила Светка. – Как ты от ребенка избавилась? В больнице?

– Мы, сатанисты, в больницы не ходим! – гордо заявила Джейна. – Мы... – она икнула. – Сами всё... У нас свои... Ик!.. Традиции.

– Какие? – Светка уже не очень верила, что толстуха скажет что-то дельное.

– Мы... ик... просто. Ложишься на бочок, Колька разбегается и к-а-ак вбьёт бутсой в живот! Все... Ик!.. Как рукой. Поняла?

Светка стояла, окаменев. Даже дышать перестала.

– Да, – сказала Джейна. – Как рукой. Ик! Радикально! И, прикинь, больше никаких... Ик! Беременностей. Никогда, прикинь! Клево, да? Мы, ик, сатанисты! – Она шлепнула себя по жирному волосатому лобку. – Смерть жизни!

Светку выворотило прямо на толстуху.

– Эт ты чо? – удивилась Джейна, слизнула с руки блевотину. – Харч сметала, а, Светка? Ну ты даешь! – И захихикала.

Светка пулей выскочила в коридор, рванула дверь... И дверь открылась! Не веря еще своей удаче, Светка вылетела на площадку... Прямо в объятия Николая!

– И куда это мы так спешим? – спросил лидер. – Такие шустрые и такие голенькие!

Светка затрепыхалась у него в руках, но Николай держал ее крепко.

– Я домой хочу! – простонала Светка. – Отпустите меня! Пожалуйста!

– Сладкая моя ведьмочка! – Николай оттеснил ее в квартиру, ногой захлопнул дверь. – Тебе же русским языком сказано: от нас только один путь – туда! – И оттопырил большой палец книзу. – Окошко вон. Прыгай, может, взлетишь, а? – Он засмеялся.

Светка села на пол и заплакала.

– Съешь таблеточку, – посоветовал Николай, раздеваясь.

– У меня нет... – Светка всхлипнула.

– Я же тебе утром оставлял? – удивился Николай.

– Джейна все съела.

При упоминании своего имени толстуха открыла глаза и пукнула.

Николай пнул ее в бок:

– Тебя для чего тут оставили, свинина!

Джейна блаженно улыбнулась.

– Дерите меня, – промурлыкала она хрипло. – Дерите меня во все щели!

Кнут-удавка, с которым Николай никогда не расставался, свистнул в воздухе и хлестнул по дряблой ляжке.

Джейна пискнула, перевернулась на четвереньки и поползла к Николаю. Тот пнул ее, и толстуха опрокинулась навзничь.

– Я бледная ведьма! – заверещала она. – Я всех урою! Всех! Дерите меня! Во все щели!

Не обращая на нее внимания, Николай подхватил Светку, легко поднял (весу в ней сейчас было – чуть больше сорока кило) и поставил раком на диван. Затем черным жировым карандашом принялся рисовать на ее ягодицах. Светка терпела, покорно и бездумно.

Подползла Джейна. Николай отпихнул ее ногой, скинул брюки и, оглаживая фаллос испачканными черным пальцами, принялся читать выворотные молитвы.

Джейна опять подползла, и он опять ее отпихнул.

Тощие Светкины бедра пошли пупырышками гусиной кожи.

Николай взял черную сальную свечку и ввернул ей в анус.

– Аве Сатанас! – торжественно произнес он и приступил к соитию.

Подползшая Джейна тыкалась ему в ноги, пыталась лизнуть.

Светка дергалась в такт ударам. Она уже и не помнила, что чувствовала когда-то во время секса. Только саднящая боль в поцарапанных коленках и тупая – в прямой кишке.

Николай кончил, извлек – и Джейна тут же всосала его орган мокрым ртом, пыхтя и причмокивая.

Светка стояла на четвереньках, ожидая команды.

– Ляг, – разрешил Николай.

Светка повалилась набок, попыталась достать свечку, но пальцы скользили.

– Давай помогу, – сказал Николай. – Перевернись.

Светка легла на спину, задрала ноги. Николай выдернул свечку. Джейна висела на нем, присосавшись, как кенгуренок – к материнской сиське. Николай потрепал ее по спутанным волосам: поощрил.

Светка смотрела на них и думала:

«Наверно, я сошла с ума».

Думать было трудно, но можно. Это потому, что Джейна сожрала ее таблетки. А вечером придет Славка и будет ее мучить. А без таблеток ей будет больно, и Славка заткнет ей рот. Чтобы не орала.

Джейна отлипла от Николаева органа, зачмокала черными от краски губами.

– А Светка, дура, залетела! – сообщила она.

И гаденько захихикала.

Глава девятнадцатая

В кабинете Логутенкова налицествовало два стула. Третий вчера развалился от старости. Посему Жаров, как младший, расположился на подоконнике, от которого, впрочем, до стола в прямом смысле – рукой подать.

Бумаги на столе «важняка» были сдвинуты в сторону, а на освободившейся территории расположилась скромная закуска.

– Ну, за нас, хороших! – Онищенко свернул пробку и набулькал в пластиковые стаканчики.

Проглотили. Зажевали.

– Митя, – укоризненно произнес Онищенко. – До дна.

– Я же за рулем! – напомнил Жаров.

– Пока что ты за столом, – возразил опер. – Не порть компанию. Слышь, Генадьич, мне опять депутат наш звонил, Кренов.

– Что сказал?

– Ничего. Интересовался, как успехи. Я его маленько порадовал.

– Ты перед ним особо не распространяйся, – заметил Логутенков. – Депутаты – публика скользкая.

– Но полезная, – Онищенко поднял палец. – Мне выслуги всего ничего осталось. Может, я тоже в мэрию хочу, а не в какой-нибудь сраной шараге охранником стену подпирать!

– Не прибедайся, Паша, – следователь поморщился. – Без работы не останешься. А успехами лучше со мной поделись.

– С успехами пока глухо, – ответил Онищенко. – Все фигуранты в розыске, но толку – ноль целых, ноль десятых. Есть у меня одна нехорошая мысль...

– ...Что кто-то рубит концы?

– Примерно. Ты мне давеча сам литературку по сатанистам подбросил, так там прямо написано, что в целях конспирации клиентуру для жертвоприношений рекомендуется набирать из бомжей, беспризорных детей и малоперспективных адептов внешнего круга. Будем работать, товарищ следователь.

– Давай, – кивнул Логутенков. – А я займусь писаниной.

– Куда едем? – спросил Жаров.

– На Пороховскую. Митя, тебе деньги нужны?

– Деньги нужны всем, – философски ответил Дмитрий. – Но деньги бывают разные.

– Большие и маленькие, – хохотнул Онищенко. – Больших не будет. Поможешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.